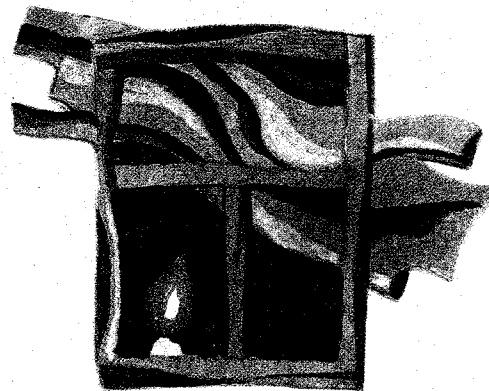

Мои дорогие
читатели - от души -
Атас
17 сентября 1999г.

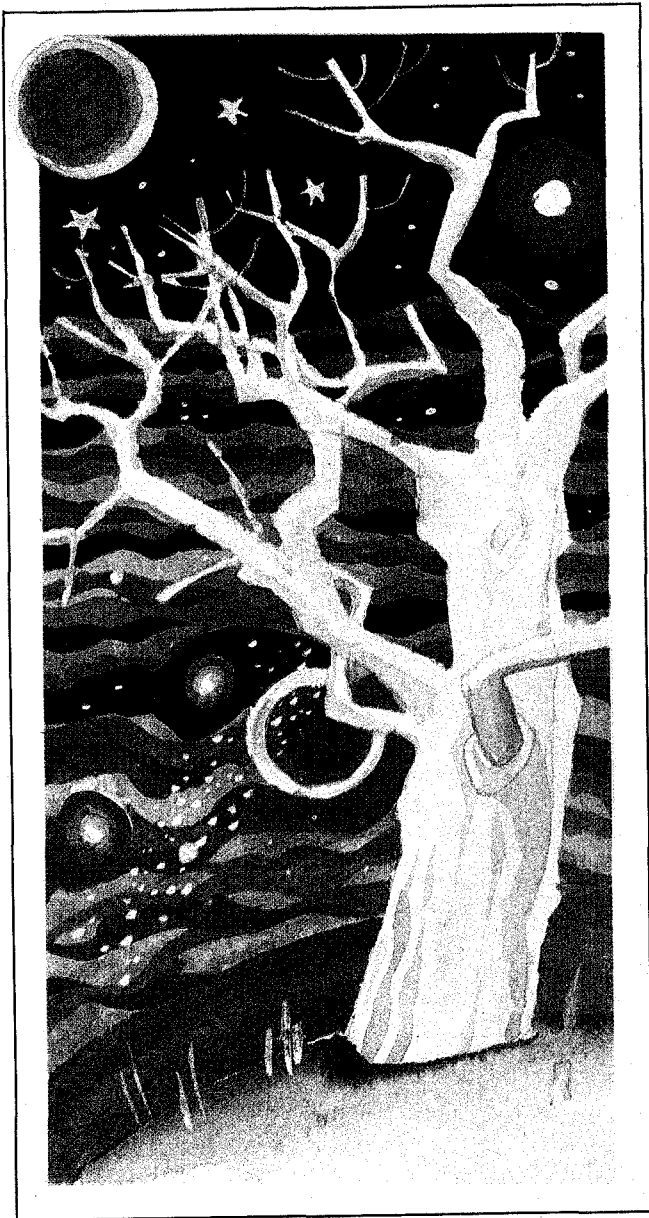
60-летию со дня рождения автора
посвящается

Иллюстрации Александра КУХТЕРИНА.

Тюмень, 1996

орн 3

©(Мам)
Т 18

Андрей Тарханов

- 34475 - 1 -

Плач неба

БФ
№ 3

Кондинская ЦБС
Эколого-краеведческий
отдел

Подарочная серия
Библиотечная система
Кондинского района

Т 19 Тарханов А.С.

Плач неба: Книга стихотворений.
— Тюмень: «СофтДизайн», 1996. —
304 с.

© Тарханов А.С., 1996.

© Комитет по средствам массовой информации
и полиграфии администрации Ханты-Мансийского
автономного округа (издание), 1996.

© СофтДизайн (оформление), 1996.

© Кухтерин А.С. (иллюстрации), 1996.

© Мандрика Ю.Л., Дыба В.В. (компьютерный дизайн), 1996.

ISBN 5-88709-031-6

Праздник лирики

(краткий очерк о поэзии
Андрея Тарханова)

Однажды в 1961 году я прочел на страницах тюменской областной газеты стихотворение о желто-слепящем песке на берегу реки Конды, о пронзительно-голубых просветах неба, о тревожных криках чаек... От стихотворения веяло таким естественным могучим романтизмом, что я растерялся: вроде бы романтизм ушел в далекое прошлое, а в стихотворении незнакомого поэта он дышал широко, полной грудью. Запомнилось имя поэта: Андрей Тарханов. Именно это, простое на первый взгляд стихотворение и стало для меня ключом к поэзии Тарханова, к миру мансийской души, которую он столь оригинально, смело раскрывал читателю. Я вошел в мир первозданных чувств, в мир удивительного восторга перед жизнью.

Читая первые стихи-миниатюры Андрея Тарханова «На зимней дороге», «Ели», «Первый подснежник», «От зноя бор сосновый порыжел...», «Березонька», я был поражен умением поэта написать точную, живую картину — лаконичную, как в японских хокку. Не просто скопировать факт природы, а сопроводить его емкой, крылатой мыслью, такой, что ты за пленительной миниатюрой вдруг чувствуешь сгущенную атмосферу страны, напряженный пульс времени. Я невольно думаю, читая такие стихи, о великих художниках древности, для которых лаконизм был одним из основных признаков красоты, выражением сконцентрированной творческой мысли.

Поэзия Тарханова — это поэзия человека с пронизательным, добрым и прямо-таки пророческим взглядом на мир, на людей. Видимо, этот редкий дар получил он от щедрой природы, от языческих свя-

щенных боров, озер и речек. «О звериная зоркость и чуткость моя!..» — писал он в одном из ранних стихотворений.

В поэзии Андрея Тарханова — по манере письма, судьбе героя, философии бытия — есть немало общего с лирикой казахского поэта Олжаса Сулейменова. Это — как звезда с звездой говорит. Тарханов тоже пишет на русском языке, но не потому, что оторвался от национальной судьбы своих соплеменников, а потому, что так ему легче выразить масштабную правду о своем народе, показать его благодарную, мятущуюся душу. И это свое высокое назначение поэт доказал в трагической поэме «На последнем берегу».

Андрей Тарханов овладел не просто русским языком — он овладел всеми достижениями русской классики. Именно она, русская классика, помогла родиться музыке его художественного слова — неповторимой по своему национальному содержанию, по своеобразной поэтической интонации.

Русские классики оказали на Тарханова очень большое влияние. Он учился у многих. Но самый его любимый поэт — Лермонтов. И как это замечательно, когда в творчестве мансийского поэта находишь лермонтовскую традицию, и не просто приобщение к ней, но смелое, вдохновенное ее развитие.

Лирика Андрея Тарханова — это праздник чувств и мыслей человека, трепетно-восхищенного красотой мира и зовущего людей к братству и дружбе, творчеству и доброте, бережности друг к другу и к природе. Кстати, о природе в творчестве Тарханова — особый разговор.

Оказывается, поэзия Андрея Тарханова настолько подчинена природе, что, вчитавшись в нее, я с изумлением обнаружил, что она строится... по ка-

лендарному принципу. В любом учебнике по фольклору вы найдете главу о календарной обрядовой поэзии, как одной из вымерших и ныне архаичных форм искусства. А в поэзии Тарханова эта форма ожила и развилась. Весна, лето, зима, осень вызывают у поэта определенные душевные состояния, и все его стихи целиком подчиняются природным циклам. Это чудо найдешь далеко не у всякого национального поэта, пишущего на самом чистейшем родном языке. Такое наследование — неожиданное, как бы выплеснувшееся из глубины души, — говорит о творческом развитии Тархановым именно национальных начал в искусстве.

Тарханов — манси по своей морали, по своему взгляду на жизнь и в то же время — гражданин нашего века. Он решает в своей поэзии те же проблемы, которые стоят перед всем обществом, а не только перед народом манси. Как поэт он обладает предметным мышлением и восприятием мира в его единстве. Во всем этом и кроется секрет силы и значительности личности Андрея Тарханова, оригинальность его творчества, обаяние его поэзии.

**Константин Яковлев,
литературный критик.**

Белая симфония

Как зелена сегодня луговина!
И парус бел,

и ласкова волна.

Она уже кувшинки напоила,
Она уже, как я,

душой вольна.

Я уплыву далеко, луговина,
На поиск Бухты веры и любви.
Ни в чем, как мать,

поверь, ты неповинна,

Меня зовут, зовут мечты мои.

Горят мосты за мною, луговина.
Крепчает ветер, мачту накрени.
Ты вспоминай, прошу, утрами сына,
Ты вспоминай печального меня.

...звезды... все они — только покров,
и за этим покровом сквозит

Прекрасное...

А. Блок

Угасает закат.
И на огненном плесе
Огнегривые кони в полете горят.
Не смыкай свои очи,
И выпадут росы
Оттуда,
Где вечные звезды не спят.
Скинем с тайны покров,
Пусть умрем мы за это,
Но Прекрасное стоит, поверьте, того.
И родится ребенок грядущего Лета
У Весны.
И на сердце,
Как в небе Прекрасном,
Легко.

Песня детства

Гроздя брусники багряны,
Ясно в сосновом бору.
За руку девочку Таню
Тихо и робко беру.

Таня сегодня послушна,
На удивленье мила.
На розоватое ушко
Вдруг паутинка легла.

Льют синеву небосводы,
Гуси трубят в вышине.
И по велению Природы
Ты улыбаешься мне.

Наши сближаются губы,
Быются смущенно сердца...
Пойте, небесные трубы!
Пойте, родные леса!

Что говорил я смятенный,
Знает один только Бог...
День этот благословенный
Так неовозвратно далек.

Ночь бессонная,
 ни звезды.
И душа, словно ива стылая.
Я прошу тебя:
 ты приди,
Моя девочка, моя милая.

Как подснежник приди ко мне,
Удивляя апрельской свежестью...
Трудно путнику по стерне
Вдаль идти против ветра и снежности.

Трудно в жизни мне одному.
А дорога такая скользкая!
И, наверное, потому
Ошибался, родная, столько я!

Буду искренним.
Сердце вот —
Белый парус над шаткой лодкою,
В бурю ветром сдуло его,
Подружился я крепко с водкою.

И не без душевных помех
Я покинул дорогу шальную...
Слезы, слезы — мой первый снег,
Землю прадедов крепко целую.

И сегодня пою опять
Свои песни от звонкой радости

И за весны,
и за тебя,
Что не знаешь ты горе-слабости
Те, которые я прошел,
Те, что в сердце зарубки оставили.
Так приди же ко мне,
хорошо,
Белым утром с лучами алыми?..

Сумерки марта

Ночь улетает.
И разве не жалко —
В разные дали уйдем?
В сумерках марта,
В сумерках марта
Кони стоят под окном.
Выйду туда в голубое свечение,
На голубые пути.
Сумерки марта на удивленье
Могут, как травы, цвести.
Это с ветвей осыпается иней,
Это дыханье Весны.
Сотни подснежников матово-синих
В гривы коней вплетены.
Но отчего этот обволок дивный
Тает и тает в зрачках?
Видно, с зарей самолет реактивный
Шторы открыл в небесах.
Ночь улетает.
И разве не жалко
Нежного взмаха руки?
Сумерки марта,
Сумерки марта,
Ваши стихают шаги.

Десантниками стали облака —
 Оранжевые в небе купола.
 И крона медноликого ствола
 Сегодня зарумянилась слегка.
 И щеки зарумянились твои,
 И тайнами наполнилась душа
 От запаха разбуженной хвои,
 От радости рабочей мураша.
 И верим, верим мы любви сейчас,
 И в мире нету возрастных границ.
 Я пью восторг и губ твоих, и глаз,
 Я пью росинки теплые с ресниц.
 И ради милых редкостных минут
 Играет солнце, облака цветут.

Сыну Илье

Идут по дороге обозы,
 Идут голубые стога.
 Их нам подарили покосы,
 Их нам подарили луга.
 Веселые кони апреля
 Душистое сено везут.
 В нем шорохи белого зверя,
 В нем запахи ветра живут.
 Глядят, улыбаясь, деревни
 И знаки дают пацанам:
 Мол, надо в дороге напевной
 Душой приобщиться к стогам.
 На миг остановятся кони, —
 Гляди, мы уже на стогах.
 Нам хочется жуткой погони,
 Нам хочется неба в глазах.
 Бунтарское зреет желанье —
 Над стогом своим вознестись.
 Но... кнут получай в наказание,
 Напутственный крик: берегись!
 Ну что же я сделал плохого?
 Никак не пойму я пока.
 Под аркой вопроса немного
 Идут голубые стога.

-34475-1-

Международный
 ФИЛМАЛ
 Кондинской ЦБС

В полете

Ты слышал таежные сказки
С певучих моих облаков?
О царские древние замки! —
Туманные лики боров.

Я вижу порталы и башни,
Роскошные залы любви.
Ей-богу, мне искренне страшно,
Что царские замки — мои.

Мне слышится голос: «Любимый,
Синильга давно тебя ждет.
Мой взгляд, и печальный, и синий,
Предчувствовал смелый полет.

Ты ласке девичьей доверься,
Синильга в наряде весны...».
Ах, эти далекие рейсы!
Ах, эти красивые сны!

А женщина и март нерасторжимы,
Как в небе темном звездные огни.
А женщина и март всегда любимы,
Друг другу очень нравятся они.

Ах, женщина, весенняя, родная,
Ты празднично по улице идешь.
Ты чуточку смешная, ты шальная,
Движеньем каждым за собой зовешь.

Ты хочешь удивлять и удивляться,
Ты чародейка страсти, ты азарт.
И надо этой страсти подчиняться,
Коль мы — мужчины, синеглазый март.

Лиственница утром ранним
 Розовата кожей.
 Молодوخа после бани
 На нее похожа.
 Все у ней от шеи белой
 И до пят литое.
 До озноба буйно тело,
 Жарко-молодое.
 Ах, ты банька, пенье пара!
 Берестяны ведра
 Плещут воду —
 жара, жара! —
 На тугие бедра.
 Пляшет веник,
 Пляшет бойко.
 У сосков горячих,
 Лист березовый, постой-ка,
 От восторга плача.
 Лист глядел и восхищался
 Молодухой Настей.
 Он, счастливый, здесь остался
 Родинкою страсти.
 И в предбанник вышла ты,
 Красная девица,
 Ясным солнцем красоты,
 Той, что не приснится,
 Только в жизни, только здесь
 Молодуха Настя есть.

Ковш Медведицы черпает тьму,
 И колодец бездонный пустеет.
 Удивляются совы ему:
 Ради солнца он сил не жалеет.
 Слышу музыку я в небесах.
 Ковш сияет:
 работа — к исходу.
 И глухарь на бордовых ветвях
 Снова славит явление восхода.
 Небосвод за деревней ясней.
 Утро каждое неповторимо.
 День сегодняшний —
 лучший из дней,
 Как он трудно родился, любимый!

Спешите говорить «люблю»!
 Я вас о том почти молю.
 А слово может промолчать,
 Печальным камнем может стать.
 А может вербой расцвести,
 Желанным другом стать в пути.
 Я слово нежное пою,
 Спешите говорить «люблю»!
 Смотрите,

жалок и угрюм,
 Идет замкнувшийся молчун.
 Ни разу в этом мире грез
 «Люблю тебя» не произнес.
 Теперь идет он в никуда,
 Такая в мире есть беда.
 Спешите говорить «люблю»!
 Я вас о том почти молю.

К Небе

Поэту Николаю Астафьеву

Сегодня ты, как дикий зверь,
 Но укрощенный, усмиренный.
 И я стою, в тебя влюбленный,
 Я тоже милостив теперь.
 Мы гнев оставим про запас.
 Он пригодится нам с тобою,
 Когда нас призовут к покою:
 Оставьте честный свой рассказ!
 И мы тогда покажем нрав,
 Как дети верные Природы.
 Вздыхай, Нева, повыше воды!
 Неужто кто сильней,

тот прав?

Мы против этого навек!
 И потому с тобой бунтуем,
 От правоты своей ликуем,
 От правоты лесов и рек.

Памяти друга Володи Тырлина

Чащобный запах кружит подо мною
Коры и прели, моха и норы.
И над моей июльской тайгою
Струятся в небо марева костры.
То праздник детства:
Я с вершины кедра
Оглядываю хвойный океан.
Доверчив я.
Нежны ладони ветра.
Сейчас себя дарю я небесам.
Душа уже как будто улетела
Туда, где загорается звезда.
И от восторга невесомо тело,
Но по тропе
уже спешит беда.
Ах, что беда!
Пою, раскинув руки,
И вижу удивленный взгляд орла...
То первая с землей была разлука,
Разлука ради высоты была.

Время, время, мой враг неподкупный,
Я тебя и люблю,
и клянусь,
Что иду за тобой неотступно,
И свою понимаю вину.

Я бываю порою совсем одиноким,
 Как изломанный парус на песке у Оби.
 В этот час я прошу:
 За тайгою далекой,
 Мама, солнце к восходу скорей торопи.

Я сегодня разбит, как цветок-подорожник,
 По которому кони бездумно прошли.
 Я сегодня расстрелян безверьем и ложью,
 Нету всполоха радости в поле души.

Я зову тебя, мама.
 Я вижу, как зори
 Полыхают,

ко мне твое солнце идет.
 Так бывает всегда —
 В полдень жгучего горя
 Человек свою маму на помощь зовет.

Мелодия снегопада

— О чем поешь, мой снегопад,
 Над присмирившею долиной?
 — Пою о небесах, мой брат,
 И о твоей звезде любимой.

Посланник я звезды твоей,
 Вражда землян ее тревожит.
 В час безысходный для людей
 Она, как друг,
 Земле поможет.

— Спасибо, мудрый снегопад,
 Принес ты радостные вести.
 Тайга сегодня —
 белый сад,
 Она достойна новой песни.

Древо беспокойства

Осина хлопает в ладоши.

— Чему ты рада, Расскажи?

— Сегодня утренник хороший,
Летают высоко стрижи.

— Тебе и в полдень нет покоя —

Дрожат, волнуются листья.

— Болота высохли от зноя,

Прошу дождя у высоты.

— Ты мне в судьбе своей откройся,

Мне надо знать судьбу твою.

— Я древо дум и беспокойства,

Я ночью с небом говорю.

Ты легко роняешь звуки
Целый день с гитарных струн.
В них любовь и боль разлуки,
Ах, седой цыган,

ТЫ — ЮН.

Пряди снежные свободно
В кудри черные впелись.
Ты поешь кому угодно:
«Эх, моя шальная жизнь!...».

Эти руки, эти руки
Без гитары не живут.
Эти звуки, эти звуки
В непонятный мир зовут.

Разве сторонкой, Галина,
Твой палисад обойдешь!
Запах цветущей рябины,
Господи, как он хорош!

Нынче твои именины,
Ветки цветут от любви.
Майский подарок рябины
В нашей, Галина, крови.

Дни улетели лихие —
Я колобродил, дичал.
Запах рябины впервые,
Как вдохновенье, познал.

С милой улыбкой, Галина,
Ты в палисад свой ведешь.
Запах цветущей рябины,
Господи, как он хорош!

Гилин березовому соку

Другу Корикову Нилу

В корнях березы бродит сок.
Ждут годовые кольца,
Когда ему настанет срок,
Когда он в ствол прольется.
Хмельна береза в майский час,
По жилам сок клокочет.
От сока опьянев,
Косач
Над вороном хохочет.
Вещун на косача сердит,
Ему веселье в тягость.
А на земле-то пир стоит,
А на земле-то радость.
Цветут цветы,
Куда с ветвей
Упали капли сока.
Пьет капли стая лебедей,
И ворон, и сорока.
Спешат к березе стар и мал
Испить живого сока,
Чтоб горестей никто не знал
И не старел до срока.

Ветер в сторону Вечности дует,
Юным был я на том берегу.
И душа моя плачет, тоскует:
Юность я повторить не смогу.

Вспоминается —

кони летели
В рыжих травах закатного дня.
И глаза твои нежно глядели,
Говорили: «Люблю!» — для меня.

Вспоминается —

снегом черемух
В ту весну палисад занесло.
Мы смеялись под грохотом грома,
Нам ловушки готовило зло...

Мы влетели в закат бесшабашно,
Переходы-мосты сожжены.
Посмотри же на пепел отважно,
Позабыть мы его не должны.

Ветер в сторону Вечности дует,
Там клубится туман грозовой.
И душа моя плачет, тоскует,
Говоря: «Боже мой, боже мой...».

Прохлада цветущего лога,
Брусникой усыпанный склон.
И в мир многоцветный, ей-богу,
Я словно ребенок влюблен.

Мне вдруг показалось, что завтра
Не будет поющих стволов,
Зеленой березовой арки,
Зовущей в объятья цветов.

Мне вдруг показалось, что завтра
Не будет полей и дорог,
Моя черноглазая Матра
Не выйдет ко мне на порог.

Не будет, не будет, не будет
Ни ветки,

лишь пепел и смерть.
Не верьте мне, добрые люди,
И ты мне, березка, не верь.

Да разве такое возможно —
Исчезнут навеки леса,
Когда мое сердце тревожно,
И ваши бунтуют сердца?!

Живите, деревья, у лога!
Цвети, мой оранжевый склон!
И в мир многоцветный, ей-богу,
Я словно ребенок влюблен.

Стоязыкий, люди, я:
 Знаю речь сосны, ручья.
 Мне сказал вчера закат:
 «Ты меня послушай, брат.
 Ночь идет. Коварна ночь.
 Дверь — на крюк! Доверье — прочь!
 Волки воют. Зло не спит,
 И о распрах, кознях мнит.
 Ночь — глазищи две луны.
 Но черны они, черны.
 А зрачки-то, а зрачки,
 Будто бакены реки.
 И корона... ввысь зовет.
 Глянешь — шапка упадет.
 Ну, меня уж клонит в сон.
 Я спешу. Тебе поклон».
 И ушел закат. Стою,
 Думу думаю свою.
 Ночь таинственна, как сон.
 Ночью лучший стих рожден.
 Голос клятвенно-живой
 Ночью слышу: «Милый мой...».
 Нет, я верю, ночь, тебе,
 Ты как друг в моей судьбе.

Золотой падун

В золотом падуне
 листопадная выюга гуляет.
 В золотом падуне радость с грустью
 в измену играет.
 И глаза твои смотрят
 в меня сквозь деревьев просветы,
 В них такое лукавое жаркое светится лето.

 В золотом падуне
 блики осени, будто котят.
 Рыжим пламенем их согреваться,
 наверно, не надо.
 Ведь, родная, не раз
 мы обмануты были с тобою
 Листопадом страстей
 вихревой листопадной порою.

 В золотом падуне вдруг теряются
 трезвые мысли,
 В небе алые кружатся, кружатся,
 кружатся листья.
 В золотом падуне кто-то плачет,
 и кто-то смеется,
 Безмятежных в моем золотом падуне
 не найдется.

Мы все одиноки по-своему.
И я одинок,
Даже ты —
Такая красивая, знойная,
Не знавшая в жизни беды.
Стоишь на виду у роскошного
Восхода,
Открыты пути.
И с паруса взгляда тревожного
Не можешь сейчас отвести.
Вниманьем друзей избалована,
И, яркую жизнь возлюбя,
Ты хочешь, чтоб нынче взволнованно
Позвал я в дорогу тебя.
Но дума моя одинокая
Во власти морских облаков.
Плыву.
И луна краснобокая
Садится на гребни валов.
Я падаю птицею раненой,
Но снова беру высоту...
И в этой стихии отчаянной
Я пережил грусть и беду.
У бури лихой одиночества
Просил я с мольбою, волна,
В ней слышится
музыка творчества,
Мне музыка эта нужна.

Ты в зеркало смотришься часто.
И я про себя говорю:
Наверно, капризы — к ненастью.
Во-он туча нашла на зарю.
И, ахнув от первой морщинки,
Как в притче о гордой княжне,
Остались от зеркала льдинки,
С дождями пришла ты ко мне.
Ах, голос упреков знакомый!
Но помни житейскую суть:
Слыви терпеливою дома,
На людях веселою будь.

Исповедь маньщика*

Нет, я от хозяина не уплыву,
И вольного неба не надо.
Резиновый я.

Но, поверь, оживу
От крови крылатого брата.

От зависти можно и ласковым стать,
И щедрым, на время, конечно.
Мне селезня надо под выстрел послать,
Чтоб стал он, как я же, потешным.

Лети же ко мне в опереньи цветном,
Мой брат, мой вожак и красавец.
Когда упадешь ты с разбитым крылом,
На время уснет моя зависть.

У берега плавает тихо маньщик.
Летит к одинокому стая.
В скрадке притаился охотник-старик,
Двустволка гремит огневая.

* Маньщик (местное наречие) —
резиновая утка.

Тишина

Предгрозовая тишина.
Она
Малиной дикой жадно дышит
И музыки задумчивой полна,
Идет дорогами неслышно.
Ласкает, словно мать своих детей,
На всех путях людей великодушных.
Она укроет в бурю от дождей
И поцелуем
Плач души осушит.
Ни звука.
Пьет малиновый настой
Земля,
Она
От молний поседела.
И на ресницы девочки босой,
Как бабочка, дождинка прилетела...

Грозовое утро

Листва шумела ошалело,
 В палатку бойко дождь стучал.
 И напрягалось в страхе тело:
 «А если вдруг лесоповал?
 Вокруг стоят одни осины,
 Их раскидает в ураган...».
 Гудит, как лайнер реактивный,
 Ветрило по седым лесам.
 Я жить тревогой продолжаю:
 Что за стихия надо мной?
 И с неохотой покидаю
 Тебя, мешок мой полевой*.
 Летели тучи-дирижабли,
 Туман клубился, будто смерч.
 А я ловил в ладони капли,
 Я словно их хотел сберечь
 Для рассекреченной минуты,
 Которую сейчас пою.
 Ликуй же, грозовое утро,
 И душу возноси мою!

* Мешок мой полевой — здесь имеется в виду спальник (прим. автора).

Грустные кони

Грустные кони,
 Грустные кони
 Спят на лугу.
 Их от погони,
 Их от погони
 Я стерегу.

Травы притихли,
 Травы притихли,
 Гривы обняв.
 И даже филин,
 И даже филин
 Гладит коня.

К нам из-за леса,
 К нам из-за леса
 Грохот идет.
 Грохот железа,
 Грохот железа
 Дымом встает.

Но, как бывало,
 В бедах удалый
 Клич не забыт.
 Луг закачала,
 Луг закачала
 Буря копыт.

Из-под ладони,
 Из-под ладони

Люди глядят:
Грустные кони,
Грустные кони
В дали летят.

Черный ворон

Другу В.К. Аскерову

Если бор кедровый дик,
Если он забыт и темен,
То сюда, как мрачный стих,
Прилетает черный ворон.

В чаще,
 где глухарки спят,
Он загадочно и глухо
Начинает свой обряд,
Как ворчливая старуха.

Он вещает, он кричит,
Он кому-то угрожает.
О грядущих бедах мнит.
Ой, как много ворон знает!

И нахмурится медведь,
Песню иволга стреножит,
Станут думать и глядеть,
Для чего он их тревожит?

Крон-и! — несется с высоты
Как удар, как заклинанье.
И предчувствием беды
Наполняется сознание.

Но когда костер зари
За рекой запольхает, —
Ворон вздрагивает и...
Почему-то умолкает.

И продолжается полет

Памяти поэта Василия Федорова

Друзей восторженных хваленье —
Не аксиома,

что народ
Признал, поэт, твое смятенье,
Признал стихи и твой полет.
Когда в таежной глухомани,
На Лене где-то, на Конде
Твои стихи рыбак читает
И обращает взгляд

к звезде;

И космонавт в ночи кромешной
Твои стихи припомнит вдруг,
И сразу родину увидит,
И вербу, и поющий луг;
Когда твои стихи геолог
Берет в тайгу, как хлеб и соль,
Твоей строкою на привале
Душевную снимает боль, —
Считай, пришло к тебе признание,
И продолжается полет.
Один судья и был, и будет
Творенья каждого —

народ.

Парящий купол

В тумане лес горит березовый,
В прожилках огненных стоит.
Над ним —
 парящий купол розовый,
Он в небеса сейчас летит,
Как шар игрушечный, возносится.
Нить связи с небом так тонка!
К нему с земли туманной просится
Мальчишки робкая рука.

...

В предгрозовом тумане вижу:
Мартынов поднял пистолет.
И тишина такая... слышу,
Как облака меняют цвет.
И выстрел.

И поэт упал.
И грома, и дождя обвал.

И этот ливень, грозный, долгий,
И наши всколыхнул сердца.
А это кто угрюмо-скользкий,
Мелькает тень его лица?
Мартынова забытый лик,
Его сегодняшний двойник.

Да, мир сегодня стал хитрее,
Ловчее и коварней стал.
Где правда? Где туман ел? —
Повсюду масок карнавал.
Но за красивой мишурой
Таится враг и твой, и мой.

Прочь, равнодушия застой!
Дуэль сегодня нам нужна,
Дуэль во всем обнажена.
К барьеру, подлость, клевета!
И... тишина,

и как тогда —
Предгрозовая высота.

Божественная поляна

Живет без фальши и обмана
В Природе каждый стебелек...
Под Эгером* цветет поляна,
Где веришь —

здесь бывает Бог.
Вокруг лесистых гор отрада,
Как соловьи, поют ручьи.
Душа невольно жизни рада,
И зарождаются стихи.
От лета бронзовы мадьярки.
Они как символы любви
И как бесценные подарки —
Гордись и весело живи.
Поляна страсти и забавы,
И треволнения, и вина.
Ай, дай мне в этот миг отравы,
И ту я выпил бы до дна,
Чтоб умереть в цветах и песнях,
Чтоб взял к себе на небо Бог
И воскресил,

и дал невесту
С поляны у семи дорог.

* Эгер — город в Венгрии.

Ночная дорога

За деревней закат, дорогая,
Озарил журавлиный косяк.
За деревней дорога ночная
Убегает в загадочный мрак.
Я стою у сосны придорожной
В деревеньке забытой родной.
Здесь мне верится —

чудо возможно —

Ты придешь повстречаться со мной.
Десять лет нашей горькой разлуке,
Нашей клятве о вечной любви.
Где ты, друг мой?

Откликнись на муки?!

Вспомни ты поцелуи свои,
Вспомни нашу ночную дорогу,
Наши тайны и наши мечты.
Отзовись же, мой друг, издалека
Ну хотя бы мерцаньем звезды!
Теплый ветер из леса струится,
Сила тайная кличет меня...
Пусть тебе, друг,

сегодня приснится

И ночная дорога, и я.

К тебе

(шутка)

Моя Сударыня, Подруга,
Моя Гроза, Сирень и Выюга,
Моя цветущая межа,
Моя поющая душа.
И грянул миг —
на промах мой
Ты стала грозною Грозой.
Грохочет надо мною гром,
И содрогается наш дом,
И беспрерывно льется дождь.
Чего ты хочешь — не поймешь,
Меня охватывает дрожь.
Вдруг наступила тишина.
Сирень душиста у окна.
Зовешь ты ласково меня,
Тугими бедрами дразня.
И я спешу, бегу, лечу,
Тебя любить весь день хочу.
К тебе, как листик, я приник,
И счастлив твой победный лик.
Ты шепчешь: «Милый, без тебя
Была б скучна, наверно, я...».
Не обольщаюсь я, Подруга,
Изменчивы порывы юга,
Вдали уже маячит вьюга.

Прощай, моя шальная жизнь

(романс)

Прощай, моя шальная жизнь!
Прощайте, женщины шальные!
Вы для меня теперь чужие.
Не говорите: вновь влюбись.

Прощай, моя шальная жизнь!
Мне надобно судьбу иную.
Спешу я в рощу огневую,
Где облетает красный лист.

Прощай, моя шальная жизнь!
Прощайте, тройки ветровые!
Заплачу скоро я впервые:
А где же удасть?! Где же риск?!

Прощай, моя шальная жизнь!
Прощай, шампанское и вина!
Сейчас шепчу я у камина:
«Вчерашний день, ко мне вернись...».

Соболиная страна

Народ мой веками в урмане
Выслеживал звездных зверей.
И в город Петра без охраны
Возами везли соболей.
Везли на торговые схватки,
Везли для бояр и гусар.
И в шубе собольей, и шапке
На троне сидел государь.
И слышу — таежник на воле —
Я девушек радостный смех,
На белые плечи тяжелый
Прилег замороженно мех.
И Пушкин — поэт величавый —
Соболий носил воротник...
Охотников трудную славу
Я сам на дорогах постиг.
Мне дороги предков заветы.
Тайга соболями красна.
В собольи одежды одета,
Красива
На диво
страна.

Ночной сохруп*

Движенью вечному реки
На глубине ерши внимают.
На расстоянии руки
От берега

костры пылают.

Дымится сохруп.
Настежь дверь.
И кажется с реки, отсюда,
Что там какой-то красный зверь
Вершит обряд,
рождает чудо.

Он пляшет яростно, легко,
Великий мастер пантомимы.
И тени — спутники его —
В чудачествах неутомимы.

Пляши, огонь!
Кружись, дымок,
Над рыбой розовой, душистой.
Потом лети, лети, высок,
К луне ночной, к луне лучистой.

Курится сохруп.
Тишина.
Созрела рыба на желинах**.
О, как она нежна, вкусна.
Такую — да на именины!

И будет стол.
И грянет пир.
И будет рыба чуть дымиться...
Чтоб именинник долго жил,
Мы станем долго веселиться.

* Сохруп (манс.) — копильня рыбы.

** Желины — тонко оструганные
сосновые палочки.

★ ★ ★

Шалаш еловый и свобода,
И хвойный жгучий аромат.
Поклон, весенняя охота!
Тебе я, как невесте, рад.

Твоя свобода,
 как работа,
И совесть — твой судья в глуши.
Увы, свобода —
 только мода,
Коль нет парения души.

А здесь, под елями спасенья
От неминуей суеты
Идет неспешно возвращенье
Сердцам усталым
доброты.

Белая симфония

Белая симфония моя —
Это голос снега и ручья.

Это звоны-стоны Иртыша
В день,
когда поет его душа.

Льдины ввысь взлетают, грохоча,
От ударов синего меча.

А Иртыш смеется, будто гром,
Весело работая веслом.

Он торопит льдины: рыбаки
Ждут своей минуты у реки.

И подснежник ждет лучей в бору,
Он озяб сегодня поутру.

Тает снег последний.
Гром гремит.
Белая симфония звучит.

Да будет день

Начесы мха голубоваты
На ветках кедров над водой.
И зелены у кедров латы,
И каждый с пышной бородой.

Сойдем, мой друг, на берег хвойный,
Ходить здесь можно босиком.
Да будет день,
любови достойный
И светлой памяти о нем.

Мы вышли.
На песке — бударка*.
Смолистый воздух свеж и пьян.
От жизни ты ждала подарка,
Бери же,
он Природой дан.

И сразу чувства,
 словно птицы,
Что жили в клетке двадцать лет.
Они ликут, эти птицы,
И в клетку им возврата нет.

И ты сейчас, как лес, земная,
Смешно сказать, какой была.
В своем краю, моя родная,
Ты иностранкою жила.

Чернику путала с брусникой,
И белку соболем звала.
И вместо Таси имя Вика —
Ты имя новое взяла...

Ты нынче каждой ветке рада,
К тебе естественность пришла.
Как дорожить любовью надо,
Ты лишь сегодня поняла.

* Бударка — лодка.

Соловей поет —
Струны дрожанье.
Переливы трелей.
Вдруг... молчанье.
Он свои припоминает звуки.
Для чего ему такие муки?
Для чего приходится таиться?
Соловей боится...
Повториться.

Вокруг пахучий сумрак снега,
Поляны ранние в цвету.
И клетки малой человека
В себе я нынче не найду.

Я стану веткой,
На которой
Снегирь, как язычок огня.
Я стану жарким сердцем бора,
Посланник завтрашнего дня.

Голубоватый сумрак снега
Растаял у меня в зрачках.
И снова стал я человеком.
Но только с зорями в глазах.

Осеннее утро

Я вышел из леса в одеждах тумана,
 Неся аромат кедрача на плече.
 Так чутко и чудно,
 загадочно-рано,
 И ваша калитка еще на крючке.

Оранжевый бакен колдует у плеса,
 Роняет картофель последний цветок.
 И в душу мою вдохновенную льется
 С полей

 кочевая прохлада дорог.

Мне жизни не жалко за это мгновенье,
 Которое дарят тайга и Конда.
 Осеннее утро — мое вдохновенье,
 Я верю —
 ты будешь со мною всегда.

...

...и потекли золотые удавы от
 фонарей пристани...

И. Бунин

В том порту вечереет,
 и травы
 И душисто, и лунно цветут.
 В том порту золотые удавы
 По дорожкам туманным текут.

В том порту и красивый, и стройный
 Человек у прибора стоит.
 И виденьем своим потрясенный
 За лучистое море глядит.

Ту — в рыданиях гармоник Россию —
 Видит он сквозь года наяву:
 Этот снег, и парящий, и синий,
 Эти тройки, и эту Неву.

Видит берег до неба угрюмый,
 Видит Пасху в сияньи весны...
 Он, Иван Алексеевич Бунин,
 До утра не уйдет от волны.

...

Я клятву дал тебе, о море,
 Распахнуто и дерзко жить.
 И дни свои за радость, горе
 У вод твоих благодарить.

Сегодня я — твой белый парус,
 Твоя тревога и печаль.
 Твоей волны девятой ярость
 И нерассказанная даль.

А в небе голоса лихие.
 А на земле звучат шаги
 Твоей волнующей стихии,
 Моей языческой тайги.

Не принимаю укоризны
 За простоту.
 Волна цветет.
 Ведь море — это песня жизни,
 Оно в дорогу нас зовет.

На вершине

Спят облака на склонах Кара-Дага.
 На Золотых воротах дремлет дрозд.
 На высоте,

как на ладонях страха,

Стою один —

случайный дальний гость.

И, прислонясь щекой к тебе, вершина,

По-новому имею право жить.

Имею право, водная равнина,

С тобой на равных нынче говорить.

О красоте ты с небом вечно в споре,

Моим признаньем с небом поделись:

Мы, люди, радость дарим волнам моря,

А в горе

поднимаем взоры ввысь.

Бригантина

Было празднично.
Пахло в садах абрикосами.
Ветер моря, как бабочка, цвел у лица.
Я купил бригантину в ларьке Феодосии,
Я сегодня похож на лихого купца.

Я несу бригантину,
И у взрослых прохожих
Загораются детским восторгом глаза.
Я иду с бригантиной цветочной порошею,
Словно крымские маки, у ней паруса.

Все слышнее прибой —
Голос моря органного.
Море ждет бригантину, как звонкую весть.
Знаю, люди мои,
 в мире столько желанного!
Верю, люди мои, создан мир для чудес!

Горизонты

Горизонт музыкален всегда.
Он сулит и мечту, и удачу.
Шлет органные звуки звезда,
А зарница упавшая
 плачет.

Если дали закрыл снегопад,
Если нету и точки лазури,
Я тревогою смутной объят,
Я предчувствую близкую бурю.

И вокруг кутерьма, а не жизнь,
Люди странной свободе не рады.
Горизонт,
 я прошу — покажись!
Дай просвет голубой для отрады.

Если музыки нет, то зачем
И моления, и деньги, и вина?!
Даже сплетник становится нем,
И подлец остается без сына.

Я устал, изнемог,
 но иду.
Поднимается ветер с востока,
Высветляя мою высоту.
Боже, как до восхода далеко!

Березы в Ялте

Две грустные березы под окном.
 Среди беспечных роз и кипарисов
 Чужие здесь,
 Мечтают об одном:
 Вернуться в край,
 Где снег белее риса.
 Я слышу зов душевный,
 Я иду
 к березам,
 Словно к милой на свиданье.
 А голубая ночь в сплошном цвету,
 Для равнодушных —
 это наказание.
 Цветы в росе,
 Нет, не в росе, —
 в слезах
 От счастья слышать майский шум прибоя.
 И слезы на березовых ветвях,
 Нет никому в такую ночь покоя...
 Две грустные березы вдалеке
 От зимних бурь,
 Несущих лесу благодать.
 Эй, небо, спой-ка на своем рожке
 Про бури хвойно-снежные на радость.

Уходи скорей, вражда,
 От моих людей.
 Стала богом доброта
 В хижине моей.

А молва быстрее огня
 Суть несет свою —
 Будто всепрощенец я,
 Страждущих люблю.

Так бывает по весне —
 Счастья каждый ждет.
 И на исповедь ко мне
 Повалил народ.

Принимаю и грехи,
 И картины бед...
 Стали грустными стихи,
 Мне покоя нет.

Чтобы с жизнью помирить
 Всех обиженных,
 Сотни лет мне надо жить,
 Лет возвышенных.

Дай, земля, на это сил,
 Небо — высоты,
 Чтоб я в сердце сохранил
 Бога доброты.

Признание слепопыта

*Красивым женщинам надо дарить
соболей...*

(Слова знакомого охотника)

Расцвела лесная тропка —
Ты сейчас по ней прошла,
Лебединая походка,
И, как соболь, хороша.
Стушевался поначалу
Я, таежный слепопыт,
Тот, который по увалам
За лыжней

лыжню торит.

А потом смекнул: негоже
Слепопыту робким быть.
Да и парень я надежный,
Если честно говорить.
Кто красу не понимает,
О таком хочу вздохнуть.
Шубка черная ласкает
Стан волнительный и грудь.
Углублю я тему малость,
И признаюсь, не хуля:
Красота имеет слабость,
Эта слабость — соболя.
Эх, живи в ладу с мечтами!
Я красотке, так и быть,
Вечерами и утрами
Стану соболей дарить.

Стану я дарить беспечно,
Воля сердца такова,
Знай, мол, наших, знай меня!
У красавицы, конечно,
Закружится голова,
Скажет: «Друг мой, я — твоя».

Любимой Тоне

В кедровой хвое постоянно
 Мои кондинские снега.
 С дороги выюжной шлет прощанье
 В зеленой варежке рука.
 За этой снежной коловертью
 Я встречусь ли опять с тобой?
 Уносят кони,
 Кони-черти
 Тебя в кошевке расписной.
 У февраля возьму доверья,
 У марта — шалой красоты.
 И кроны лунные деревьев
 Твои мне высветят следы.
 Прощай, покой и осторожность,
 И неуверенность моя!
 За этой выюгою тревожной
 Я все равно найду тебя.

Березонька

Кружат выюги синие
 Над моей березонькой.
 Полушалонок в инее,
 Полушалонок тоненький.
 В нем тебе не зябко ли,
 Белая красавица?
 Просят солнца зяблики,
 Для тебя стараются.
 И уж ветры званные
 За Весной отправлены.
 Для тебя сияние
 Яркое, полярное.

Мой октябрь

Мой месяц пожара и снега,
Пожара рябин и берез,
И первого женского смеха
В ядреный веселый мороз.

Торопит осенняя ясность
Летающий встревоженный клин.
И всюду таится опасность,
Мой друг, не останься один!

Последние листья сторают,
Последние свадьбы играют.
Счастливым нам кажется мир,
Спешите на свадебный пир!

И скрипки поют, и гитары,
В них голос мечты и надежд.
Мой месяц рожден для пожара,
А также для белых одежд.

Сосны расцвечены бликами,
Солнечно в поле души.
Музыка нежная, тихая,
Где родилась ты, скажи?

Сосны родные, певучие,
Облака тает дымок.
Песней нездешнею мучает
Сердце мое ветерок.

Жизнь я предчувствую вечную.
Если от бед загрущу,
Музыку тихую, нежную
Я у лесов попрошу.

Звуки

На копнах сена звуки спят.
А сено так душисто!
На зорьке звуки говорят
О травах голосисто.

Пырей высок и серебрист,
Он пахнет жеребенком.
А жеребенок любит свист
Пронзительный и тонкий.

Бежит осокою шалун,
Осока у залива.
И словно сто гитарных струн
Звонят, поют игриво.

Бежит он в зарево зари
И... нету жеребенка.
Вода горит, и луг горит,
И чайка в небе звонком.

И реактивный самолет —
Певучая комета —
Оставил луговине свет
Рябинового цвета.

Запели травы и цветы,
И... мчится жеребенок.
Он словно прибыл с высоты,
Он весел, как ребенок.

Моя строка...

она, как странник,
Идет ко мне людской тропой.
В ней нет крикливости эстрадной,
И нет насмешки шутовской.

Она ясна,

она от бога,
От высоты и борозды.
В строке пульсирует тревога,
Живет предчувствие беды.
И все-таки счастливый берег
Обрел я на своем веку —
В Россию страждущую верю,
В ее вселенскую судьбу.

Осенний вальс

Даже сквозь тучу ты мне улыбайся,
Даже сквозь слезы, о жизнь.
Есть в листопаде мелодия вальса,
Милая, в вальсе кружись.

Там, вдалеке от меня, не печалься,
Осень для счастья горит.
От горизонта мелодия вальса
В сад мой цветущий спешит.

Белую выюгу таят хризантемы,
Астры влюбленно глядят.
Звуки крылатые дарит нам время,
Пары, танцуя, летят.

Дамы, примите букет георгинов —
Символ своей красоты.
Смотрят на вас озаренно мужчины,
Давние вспомнив мечты.

Даже сквозь тучу ты мне улыбайся,
Даже сквозь слезы, о жизнь!
В музыке вальса, в музыке вальса,
Мир, восхищенно кружись.

Белый клевер,
Белый клевер,
Ты задумчиво глядишь,
Как вдали туманом Север
Обволакивает тишь.
Ветер праздничный, веселый
Улетел,

и ты притих.
Ты дарил влюбленным поле,
Был ты нежностью для них.
Словно снег, немой, неожиданный,
Ты белеешь при луне.
И, качаясь, воздух пряный
Серебрится в вышине.
Завтра грянет дождь осенний.
И у яркого костра
В сердце вспыхнет сожаленье —
Белый клевер цвел вчера.

На Ай-Пиме*

* Ай-Пим — река, бегущая с Уральских гор..

Богиня Юча*

Рыжие сосны Ай-Пима
Нынче явились во сне.
Предзоровые вершины
В ласковом красном огне.

Вьется тропа ветровая,
Мчится навстречу огню.
Где ты, богиня лесная,
Выйди ко мне на лыжню?

Знаю — слынешь невидимкой
Ты в суетливом миру.
Тихо живешь на заимке
В рыжем сосновом бору.

В небе — мелодия скрипки.
Вижу — стоишь на лыжне
В беличьей скромной накидке
И улыбаешься мне.

Юча — посланница мая.
В темных раскосых глазах
Много восторга и боли,
Взятых в осенних лесах.

Ты не скрываешь волненья,
Ты восхищаешь рассвет.
— Я подарю вознесенье,
Я заколдую от бед.

Верю в порыв твой, богиня,
В милый таежный уют.
Рыжие сосны Ай-Пима
Нам за окошком поют.

* Юча — добрая лесная богиня в мансийской мифологии.

Слушай утром, человек,
Птиц и небо постоянно...
Снегири напели снег,
На поля он выпал рано.

Снегири не раз, не два
Под моим окном стонали.
Это были их слова,
Снегири предупреждали.

И у солнца надо мной
Были белые ресницы.
Но, охвачен суетой,
Не прислушался я к птицам.

И наавтра грянул снег
На поля, на урожай...
О тебе, мой человек,
Алых птиц рыдают стаи.

Плечо к плечу сомкнулись кедры.
От яра до небес — туман.
Свои неистовые ветры
Шлет Ледовитый океан.
А против них боры Ай-Пима
Стоят стеною, как полки.
В них бьют ветра неумоимо,
Ревут от злобы и тоски.
Кругом буран из снежной пыли,
Обломков туч, сухой хвои.
В подвалы снежные укрылись
И соболя, и глухари.
От нарастающего гула
Озноб струится по крылам.
Бог весть, когда утихнет буря,
Устанет грозный океан.

Ай-Пим во льдах ярится в марте,
 Подрагивают берега.
 Он, как олень,
 впряженный в нарту,
 Готовый ринуться в бега.

От синевы, сиянья снега
 Помолодел сосновый бор.
 Он скинул белые доспехи,
 Ведет веселый разговор.

Сосна, зависнув над Ай-Пимом,
 Как луч полдневный, горяча.
 И, словно флюгер, на вершине
 Кудрявый веер косача.

Уже часты медведя вздохи,
 Уже проталины видны.
 Коснулись каждой ветки

токи

Всеоживляющей весны.

Гнев Ай-Пима

И обнажился красный яр,
 И небо глухо застонало.
 Упал ветвистый великан
 И... на яру вдруг пусто стало.
 Ай-Пим ревет, как динозавр,
 Он глину

 глыбами съедает.

И перепутанный глухарь
 В слезах багряных улетает.
 Из бурых вод, видать, ветра
 Рождаются и воют яро.
 Сырков раздавленных икра
 Пылает на откосах яра.
 Вдали Урал — седой отец
 Глядит с таинственной улыбкой.
 Он скоро гнев Ай-Пима здесь
 Разумной назовет ошибкой.

Майский орган

Еще нужна дань — жертва с яра —
Сосна, паря, летит ко дну...
Ай-Пим двадцать восьмого мая
Сменил свой гнев на тишину.

Кругом воды разлив вселенский,
Здесь звезды плавают в ночи.
А на болотах стоны, песни —
В любовь играют косачи.

Закрыли небеса казарки,
Ликует ярких птиц орган.
И скинули березы парки*
К своим божественным ногам.

Лес улыбается на зорьке,
Трубит олень, ревет медведь.
В селеньях не стихает «горько!»,
И хочется любить и петь.

* Парка — женская меховая шубка у
народов ханты и манси.

Комариная тайга

Не ходи, мой друг, в июле
В комариную тайгу.
Будь в любой звериной шкуре,
Будь в любом густом меху,
Все равно комар достанет,
Все равно тебя проймет,
И задаст такую баню...
Слышишь, как медведь ревет?
Вырвал мишка елку с корнем
И давай крушить кусты.
В комарином нудном звоне
Голос слышится беды.
Вот из этих нитей звона
Соткан воздух до небес.
В каждой кочке, в каждой кроне
Комаров вовек не счесть.
И к воде сохатый мчится
В серой туче комаров.
И взмывает в небо птица
Под защиту облаков.

Приключения сибирского комара

(трилогия-шутка)

Один-единственный комар
Мне встретился в Москве.
«Ты как, земляк, сюда попал?» —
Мелькнуло в голове.
И вдруг комар заговорил,
Тоскуя на окне:
«Ведь я в Ханты-Мансийске жил,
В родимой стороне.
Я в твой походный чемодан
По глупости попал.
Теперь кругом и шум, и гам,
Признаться, я устал.
Да и народ, скажу тебе,
До крайности пуглив.
С минуту я кружил в толпе,
Едва остался жив.
Уж ты меня не обижай,
Таежник и поэт,
Верни мне мой болотный рай,
В Москве мне жизни нет.
Клянусь: отныне земляков
Не буду обижать...».
«Ну, коли так, тогда готов
Оказию сыскать».
И вот уже комар сидит
В бауле земляка.
В Ханты-Мансийск комар летит,

Дорога далека.
Он снова дома.
Лес в росе,
И травы на стерне.
Он снова дома
и, как все,
Готовится к зиме.

Монолог комара

Мне комар на удивленье
Объявил вчера войну.
Он мое стихотворенье
Вдруг поставил мне в вину.
Мой комар для выступленья
Выбрал обгорелый пенъ.
— Знай, твое стихотворенье
На меня бросает тень.
Слышу —

там и тут поется
Твой стишок про комара.
Надо мной теперь смеется
Жалкий гнус и мошкара.
Мол, комар, таежник грубый,
Прикатил с тобой в Москву.
Не такой, видать, я глупый,
Коли вновь в тайге живу.
Ты спроси-ка, кто хозяин,
Эта вот округа чья?
Не паут — шумливый каин,
Не медведь —

хозяин я.

А геологи?

Тревогу

Уж давно имею я.
Не министров, и не бога,
Лишь пугаются меня.
Я не требую прощенья
От искусника пера.
Пусть всегда твои творенья
Славят только комара.

Поневоле квартирант

Мне приснился врач сердитый,
Шприц держал он вот такой...
Закричал я: «Не колите!
Выручайте! Ой, ой, ой!».

Я глаза открыл от боли,
Глянь —

комар на мне сидит.

«Укусил я поневоле.

Ты прости, брат, — говорит. —

Миг остался до рассвета, —
Продолжает речь нахал. —
Сон, признайся, блажь поэта.
Ну, а я совсем не спал.

Неспроста я беспокою,
Есть беда, — пищит комар. —
День последний, я не скрою,
Для моей тайги настал.

Сотни лет, ты знаешь, жили
За Варпавлой* кедрачи.
Их вчера, поверь, спилили
Лесорубы-лихачи.

Так что я лишился дома:
Кедров нет, болота нет.
Ты старинный мой знакомый,
Выручай меня, поэт.

Видишь сам —
 я в кабинете
 Много места не займу.
 Вдохновение у поэта
 Я никак не отниму.

Ну тогда живи, брат, с миром.
 Но совет мой разумеи:
 Кликни свой народ в квартиры
 Лесорубов-лихачей.

* Варпавла — мансийская деревня.

Саранпаульский этюд

У тебя в окошке борода тайги.
 Рыжие тропинки к дому пролегли.
 И медведь рыбачит смирно у реки,
 Шапки гор Уральских
 светятся вдали.

* Саранпауль — мансийский поселок.

Плач
неба

Поэти

Как справедливость
 миру дан поэт.
 А зло... оно всегда неугомонно:
 Политикам вручает чашу бед,
 И те алкают целеустремленно.
 Кошунство это чувствует поэт,
 И восстает отважно, одиноко...
 На зов поэта в мир идет рассвет,
 И для души
 струится ввысь дорога.

* * *

Гроза из дальних-дальних странствий
 К моим вернулась берегам.
 И я в смятении,
 Я странный,
 Я верю небу и лесам.

Смотрю и грустно понимаю
 И суету, и гнев людей.
 В страданье верю.
 Принимаю
 Удары всех его мечей.

Сомнения Весны

Осинник мой в сиреневом дыму.
Апрельские озера в синих латах.
И вдоль ручьев бредут по одному
Шальные гуси,

и снежок на лапах.

Как трудно, Русь, идет к тебе Весна,
Ей горько видеть склоки и раздоры.
И не спешит

льды расколоть она,
И зеленью украсить косогоры.
Весны сомненья —

это зябкий снег,

Весна теряет веру в человека.
Неужто этот самый человек
Лишь будет жить для крови и для смеха?
Вон люди, превращенные в толпу,
Уже швыряют камни на дорогу...
И вместо зелени в апреле

все в снегу,

И гуси ввысь взмывают
словно к Богу.

Ответ таежника

(на слова писателя С.П. Залыгина
«У нас нет вечности...»)

О вечности опять с трибун шумят,
И эту тему мы втянули в склоки...
О вечности мои деревья мнят
И величавые в своем раздумье боги.

Когда орел в бескрайности парит,
Мой взгляд невольно в той лазури тонет.
О вечность — автор знойных пирамид!
И автор гениальнейшей иконы!

И, приобщаясь к вечности в тиши
Под звездным небом, у костра лесного,
Я выдыхаю голосом души:
И будет вечным праведное Слово!

Красный шепот рябины,
Красный шепот ветвей
Я в осенней долине
Взял у песни своей.

От рябин одиноких
Наши беды видны,
И коварство убогих,
И предателей сны.

Да, я славлю дороги,
Где рябины красны.
Я — как символ тревоги,
Я — как воин страны.

Будем Богом хранимы,
Лишь познав красоту.
Из пожара рябины
На дорогу иду.

Первый снег, конечно, благо
Для души и для земли.
Там,

где были два оврага,
Две дороги пролегли.
И березы в белых парках
Под напевы снегирей
Отдыхают в тихом парке
От озлобленных людей.
Здесь ножи сверкали ночью.
Молодые три души,
Как серебряные точки,
В небеса вчера ушли...
Снег стучаться в окна будет,
Заметая все следы,
Чтобы завтра жили люди
По законам доброты.

Мольба к Богу

К истине шел терпеливо,
 Мук моих не передать.
 Господи, несправедливо
 Жизни поэта лишать.
 Пусть он живет, сколько хочет,
 Этот чужак на миру,
 К небу взывающий ночью —
 Дать озарение злу.
 И не свое ли горенье
 Ты ему, Господи, дал?
 В искрах его вдохновенья
 Ты свою волю узнал.
 Так отпусти же, Всевышний,
 Вечность ему от весны.
 Верой одарит он ближних
 В эти и дальние дни.
 Благ он себе не попросит,
 Золота он не возьмет.
 Лишь благодарные слезы
 Ясно в ладони прольет.

Иву ягельного цвета
 Подарила мне Суоми:
 — Ты запомни мое лето,
 И озера, друг, запомни.
 — Как же я могу не помнить
 Синеглазые озера,
 И оранжевые волны
 В малахитовом просторе!
 Я увидел: ива руки
 Мне навстречу простирает,
 И загадочные звуки
 Ива в космос посылает.
 Встрепенулось мое сердце
 От восторга и волнения:
 Для меня открылись двери
 Для общения со Вселенной.
 Я услышал: «Если люди
 Речь поймут печальной ивы,
 Речь озер, небес дождливых,
 То, поверьте, каждый будет
 И добрее, и счастливей».
 Ива ягельного цвета
 Над озерною волною,
 Говори и пой о лете,
 Ты теперь всегда со мною.

Священная березка

Хантыйский обычай таков: даже в чужой стороне найди березку, соверши ритуал, березка станет священной. Она всегда будет помнить тебя.

(От автора)

Луна постелила дорожку,
И посеребрила гранит.
Священная наша березка
Близ озера скромно стоит.
Гостили мы летом в Суоми,
Я свой ритуал совершил:
Березке —
 свидетели волны —
Три ленты цветных подарил.
Три ленты из красного ситца
Она словно держит в руке.
Она словно в танце кружится
В нарядном хантыйском платке.
Мы враз поклонились березке,
По солнцу вокруг обойдя,
И долго стояли сторожко,
Обычаи древние чтя.
Мы духов лесных не забыли —
Монетки волна приняла.
Богам мы по чарке налили,
И тотчас запела волна.
И боги глядели степенно,
И нам улыбались слегка.
Березку признали священной,
Признали огонь костерка.

Глубоких небес притяженье
Коснулось ликующе нас.
То было души вознесенье,
Мы стали богами на час.
Вставало прощальное солнце.
Березка поклон приняла.
Неужто навек расстаемся
С тобой, молодая сестра?

Ода бруснике

Прикосновение к ягоде божественно!
 Я чувствую тепло и аромат.
 Беру бруснику в туесок торжественно —
 Таков в моем роду живет обряд.
 Беру я гроздья росные целебные.
 Ах, эти бы места навек сберечь!
 И птицы боровые и небесные —
 Я верю —

этой думы слышат речь.
 Багрянцем светится брусника спелая,
 Брусника словно изнутри горит.
 Для радости, для утреннего пения
 Ключут огонь брусники глухари.
 Когда недели набегут метельные,
 Когда придут холодные деньки,
 Огонь брусники принесет спасение
 От злой простуды, от лихой тоски.

В Леушах*

Тоне, жене, другу

Карасье озеро за речкой
 проснулось в мареве зари,
 С моей округи листопадной
 сюда слетелись сентябри.
 Горит пожар осин тревожных,
 горит пожар рябин моих,
 И это диво мирозданья
 с любовью делим на двоих.
 Дай руку мне, уйдем в пожары,
 пусть станет пеплом тайна мук.
 В дыму измен, вражды и гнева
 меня нашла ты, милый друг.
 Но горько нам:
 в пожарах этих
 сгорим и мы, сгорят леса.
 Но есть и вера, и отрада,
 что вознесут нас небеса.

* Леуши — название села.

Снежный танец

Флейты ветра осмелели,
 Мчится ветер верховой.
 Снежный танец зимних елей
 Наблюдаем мы с тобой.
 У тебя глаза сияют,
 Щеки — пламя снегирей.
 Облака над нами тают,
 Осыпая снег с ветвей.
 Чуть качаются вершины,
 Плавно движутся стволы.
 На плечах —
 платочек синий
 В темных крапинках хвой.
 Эти плавные движенья,
 Величавый поворот...
 Три сороки вдохновенно
 Облетают хоровод.
 Волны ветра, волны снега,
 Волны музыки окрест.
 Ты танцуешь танец века —
 Танец леса и небес.

О любви

Ночные рябины, ночные рябины,
 О чем вы грустите, скажите, о чем?
 У девочки Нины, у девочки Нины
 Пылает в глазах золотой оком.
 Она, словно берег желанный и близкий,
 Который в грядущем приветит, поймет.
 И душу свою распахнет по-русски,
 Когда ее взрослое время придет.
 Она, озорная, нежна и пуглива,
 И мысли смешные у ней о любви.
 Она для мальчишки невинно красива,
 Он будет смотреть на нее до зари.
 Но грянет минута —
 увидит впервые
 По-женски внимательный
 девочки взгляд.
 Он встретится с ней, где рябины ночные
 О судьбах людских меж собой говорят.
 Рябины поведают им,
 как девчонки
 Здесь плакали, клятвы давая свои.
 Потом приходили с другими
 и звонко
 Смеялись над клятвами первой любви.
 Расскажут рябины светло, как седые
 Сюда приходили мужчины,
 они
 Просили прощенья.
 Укоры немые
 Суровое время на ветках хранит.

И Нина подарит то вечное слово,
И сразу на небе родится звезда.
«Ах, милый, на все для тебя я готова!
Давай не расстанемся мы никогда...».

...

Опять я в плену у туманов
То розовых, то голубых,
И нету на свете обмана,
И нету на свете чужих.

Но в сердце ночами тревога
Упрямо, как дятел, стучит.
И, кажется,

что я в дороге,
Толпа по дорогам пылит.

И нет у толпы этой края.
Куда же вы, люди, куда?!
«Нас гонят на поиски рая
Пожары войны и вражда».

И я просыпаюсь с вопросом:
Зачем нам придуманный рай?
Да будет и братство, и грозы,
Которыми радует май!

Озарение во Храме

*Посвящается Нине Копновой,
Диме Макарову*

Нас трое вестников любви
К святыням Ленинграда.
Скажи-ка сам,
Спас на крови,
Что ты для нас — отрада.
И мы войдем покорно в Храм,
Поклонимся душевно
И припадем к твоим ногам,
Христос, благословенно.
Нам нужен Берег правоты.
Развей, Христос, сомненья!
Надеждой светятся черты
Твоих мирян смиренных.
Неумолим твой дивный взор
Для тьмы, для дум греховных.
Твою слезу и Твой укор
Мы приняли достойно.
И каждый голосом души
Воскликнул в озарении:
О Господи, я буду жить
Во имя Дня спасения!
Нас провожали голоса
Печальные, святые.
Нас привечали небеса,
Как в Пасху, голубые.
Был Невский ярост, как базар,
И музыкаю полон.
О белый свет, ты — Божий дар,

Ты в счастье, в горе волен.
Твой праздник жизни — на века!
Твой праздник бесконечен.
Ты — как весенняя река,
Ты — от любви и песен.
Но почему кругом вражда
И умопомрачение?..
Спасет нас только Доброта,
Спасет нас Озарение.

До востребования, папе

На главпочтамты нефтяных
городов Тюменской области приходит
много писем от детей, разыскиваю-
щих своих отцов.

(От автора)

Письма мальчика Лени на почте лежат.
Неужели обратно к нему улетят?
Не идет адресат, видно, писем не ждет.
А точнее, нарочно он их не берет.

«Папа, папочка, — Леня зовет, —
ты где?!

Мама мне говорит о какой-то беде.
Мол, на Севере деньги на ветках висят,
И такие, как ты, мол, за ними летят.
Золотые на нефти стоят города.
Это правда? Мой папа, хочу я туда».
Вот второе письмо.

В нем печальный упрек:
«За два года письмо написать ты не смог.
Мама грустною стала и плачет порой.
Приезжай-ка, мой папа, ты лучше домой...».
Только папа на почту никак не идет,
Видно, некогда:

денеги лопатой гребет.
Леня Коваль тревожный
из Ровно в Сургут
Снова пишет: «Дожди у нас, папа, идут... —
И поведал отцу он житейский рассказ: —
Папа, столпотворенье в подъезде у нас.
Из Надыма вернулся Григорий Скачко

На машине, счастливый, все есть у него.
Он в Надыме начальника ОРСа возил,
Много денег поэтому он накопил...».
А в последнем письме крик и слезы души:
«Да куда ж потерялся ты, папа, скажи?!
Может, ты простудился в морозной тайге
И болеешь?
Да где же ты, папочка, где?!».

1982 год

В Ачимово

Памяти Валерия Клинухова

В Ачимово цветет пастушья сумка,
В Ачимово озера — в лебедях.
Как молния, рождается задумка,
Об этом надо рассказать в стихах.

Мне по душе и клевер косогоров,
И новые скворешни на дворе.
И ласточек небесные узоры,
Покоя не дающих мошкаре.

Здесь вы росли: Валера, Витя, Ваня...
Сыны своей березовой страны.
И вскоре одного из вас не станет,
И вспыхнет боль родимой стороны.

Вас привечало озеро деревни
И речка по названию Барсук.
Вас обнимал по-летнему напевный,
В медовых росах ароматный луг.

Ах, просыпайтесь, мои люди, рано!
Спешите восхищаться на веку!
Пастушья сумка золотит поляны,
От лебедей озера, как в снегу.

В Ханты-Мансийске есть заимка,
Для равнодушных — невидимка.
Она у склона кедрача,
Над нею месяц, как свеча.
Живет в заимке славный дед,
Великодушен, тих и сед.
Таежник он, вещун-вогул,
Боготворит весенний гул,
Который дарит нам апрель.
И дед выходит в акварель
Лучей и кедров, и снегов,
И в музыку гремящих льдов.
Стоит, взволнованно дрожа:
«Я жив... мы счастливы, душа.
Мы вновь услышим первый гром
Над кедрачом, над Иртышом.
Бударки будут плыть вдали.
О небо! Жизнь мою продли...».

Признание поэта

Я знаю, где живут печали,
Спешу туда на трудный зов.
Мои поруганные дали
Не принимают громких слов.

Тайга от варварства устала,
Ей впору на колени пасть.
А там, на площадях и в залах,
Политиканы делят власть.

О злые всходы бескультурья,
Плоды невежества и лжи!
На позолоченные стулья
Садятся ловкие ханжи.

Нагрянул час комедиантов.
Но для страдающей страны
Нужны высокие таланты,
Сейчас подвижники нужны.

Они придут в свой час, Россия.
Пусть торжествует до поры,
Мечами машет злая сила,
В Кремле пируют лжецари.

...

От снега пряного черемух
Выходит Обь из берегов.
А в небесах, в лесах знакомых —
Повсюду царствует любовь.
Любовь, как солнце,
Но за логом
Я слышу голос шутовской:
— Людей обманивали богом,
Любовью нынче

нас с тобой...

Наверно, этих слов морока
Придется на руку иным.
А в нас колокола тревоги
Ударят голосом густым.
За правоту свою любого
Зовем мы на жестокий бой.
И снова поле Куликово
К страде готово боевой.

Предзорье

Сиянья ждут
 Глухарка на болоте,
 И синий лес,
 И желтая вода,
 И лось туманный у речного брода,
 И на рогах горящая звезда.

Редчайший миг —
 На сотни верст ни звука.
 Я чувствую, что эта тишина
 Пульсирует,
 как тетива у лука,
 Как мандолины
 жаркая струна.

97

К военному летчику

Земляку Алексею Сумкину

Ты летаешь под крыльями бога,
 Недоступные видишь края.
 На пронзительно-синих дорогах
 Есть особая гордость твоя.
 И судьба у тебя необычна,
 Нам, наверно, ее не понять,
 Романтична она

и трагична —

Звуки неба в пути обгонять.
 Под тобою гроза не стихает,
 Сыплет стрелы в отеческий лес.
 И высокая грусть наступает,
 Что сейчас ты

во власти небес...

Ты выходишь.

Идешь утомленно.

Ты для нас как святой человек.
 Снисходительно и отрешенно
 Ты глядишь поначалу на всех.
 Вдруг в глазах запылала тревога,
 Это мы ее вызвать могли.
 Ты душою, конечно, от бога,
 А улыбкой — от грешной земли.

Пасхальная ночь

Беспокойна Пасхальная ночь,
Полыхают зарницы тревоги.
Знаю — другу мне надо помочь,
Знаю — брату сейчас одиноко.

Птица ночи неслышно парит,
Высветляя лачуги и виллы.
Проплывают под нею Париж
И Белград, и Москва, и Курилы.

Эта ночь родилась для людей.
В эту ночь наступает прозрень.
Кайся, грешник!

И кайся, злодей!
Завтра Пасха во имя спасенья.

Глянул Бог на людские дела
И за сердце схватился в страданы.
Но... карающая стрела
Остается до срока в колчане.

А иначе в дыму и золе
Мир растаял бы, как привиденье...
Появись же, Господь, на Земле,
Появись же в свое Воскресенье.

Плач неба

Голосам умоляющим внемля,
Не скрывая волнующих слез,
Вновь хотел опуститься на Землю
В день Пасхальный
спаситель Христос.

В небесах возликующих майских
И спокойствие, и благодать.
В эту ночь из обители райской
Осиянно планету видать.

Что творится?!

Резня и пожары,
Крик младенцев, и плач матерей...
И Христос опустил усталый:
«Сатана перессорил людей.

Наступило умов помраченье,
Позабыли заветы мои,
Будь печальным, мое Воскресенье,
И печально пролейтесь, дожди...».

В эту ночь Первомай и Пасхи
Я не спал по веленью небес.
И лучей долгожданную ласку
Принял первым,
душою воскрес.

И по-детски мое ликование:
«О Спаситель! Мы ждем, приходи...».

Вдруг укрылось светило в тумане,
И, как слезы, явились дожди.

Колокольные звоны печальны.
И слова покаянно глухи:
«Ты прости нас, Господь, за обманы,
За житейские беды-грехи».

Небо плакало.
Люди молились,
И своею виною казнились.
Небо плакало.

— У нас нет пророков.
— А откуда им взяться при такой
кутерье?..

(Из разговора)

Пророки есть.
Но кто увидит
Их в нашей суетной толпе?!
Пророки есть.
Их ненавидит
Любой диктатор по судьбе.

Чтоб жизнь познать,
они, пророки,
Идут не гладким большаком,
Идут обочиной дороги
По травам колким босиком.

На большаке —
столпотворенье:
Ура! — кричат, и медь звенит.
А где же мыслей вознесенье?
Душа молчит.
Душа молчит.

Ради новых сомнений живу,
Я на голос отвечаю вещей,
Ради новой росы на траву,
Ради нового взгляда на вещи.
Потому улететь не боюсь
На орбиты космических высей.
В бесконечности той повторяюсь
Благородными генами мыслей.

Пылает купол златоглавый.
Столица, я на время твой.
Здесь многие искали славы,
Ушли бесславно на покой.

Всегда в душе тая почтенье
К таежным рекам и лесам,
Ценю свое прикосновенье
К священным плитам, к именам.

Толпе проворной нету края.
Но говорю я от любви:
Поклон тебе, река людская,
Близки мне горести твои.

И коли я зовусь поэтом,
Я с вами, люди, в каждом дне.
Делюсь я искренним заветом:
Я вам — судья,
Вы — судьи мне.

...

Памяти А.Т. Твардовского

Бывает так воздуха мало
 От пошлых житейских обид.
 О, как понимаю Икара,
 Который над ложью парит!
 Зовет нас за правду в атаку,
 Мечтою своей одержим.
 Ему бы поклон за отвагу!
 Мы эту отвагу хулим...
 Я знаю —

от горькой обиды
 Полет его медленным стал.
 Потомки, из далей глядите:
 На землю Мечтатель упал.
 В наследника, друга, собрата
 Он верил,
 И вера живет.
 Смотрите:
 Над тенью заката
 Икар продолжает полет.

О странностях людских

Не правда ли, до боли странно —
 Мы часто близких и родных
 Обходим в суете вниманьем,
 Порой чураемся мы их.
 И привыкаем даже к ссорам,
 Мол, эту грань не обойти.
 Ну, а на деле зреет горе,
 Нас ждет трагедия в пути.
 Уже скучны, уже ленивы,
 Хотя нам только сорок пять.
 И стали женщины крикливы,
 Мужчины стали выпивать.
 Сведя любовь к проблеме дальней,
 Грешим отчаянно и зло.
 Боимся старости печальной,
 Мол, счастье навсегда ушло.
 И где найти такие средства,
 Чтоб жить возвышенно, легко?
 Все беды от несовершенства
 Ума и сердца своего.

★ ★ ★

В войну морозы были лютыми,
Стонали лед и деревья.
А люди лес валили сутками,
Губами шевеля едва.

И снайпер в ледяном окопчике
Держался что есть сил,
пока
Фашист тридцатый черной точкою
Не падал в красные снега.

Вражда людей, ожесточение,
Дрожащий каждой веткой лес.
И, видно, кончилось терпение
У выжидательных небес.

И... получай, люд, наказание —
Орбит космических удар —
Морозы, град, штормов рычание,
Вулканов яростный пожар.

Сегодня вновь столпотворение.
Сегодня вновь кругом вражда.
И надо ждать землетрясения.
Стучится в каждый дом беда.

И станет вал крушить селения...
Но год и день, о люди, есть
Для размышления, спасения
Своей души и здешних мест.

★ ★ ★

Сегодня ты, как луч, тиха.
Вчера была ты бурей южной,
И удивительно послушной
Была горячая рука.

Вскипала плоть, как та волна,
Что хочет быть всегда девятой.
И ты ждала моих объятий,
Быстра, насмешлива, нежна.

И руки вскинулись мои.
Но... ты опять в плену рассудка:
«Нужна на каждый случай шутка...».
И ты уходишь от любви.

Ты заливаешь страсть водой,
Рассудок подал полный ковшик,
И зачастил случайный дождик.
Погаснул вечер твой и мой,
Не озарив простор ночной.

В душе воскрес родник страдания.
Я целовать его готов.
Исходит море обаянья
Из Ваших глаз, из Ваших слов.

Волнует Ваших ног движение,
Волна волос, усмешка губ.
Вы рождены для удивленья,
Для вдохновенья, наслажденья,
Но... мир, наверно, с Вами груб.

А Ваша страсть то рвется к Богу,
То веселится на стерне.
И о гармонии жестокой
Невольно думается мне.

К новорожденному

Что ты плачешь, мальчик-крошка?
Ты пришел в наш белый свет.
Или чувствуешь с рожденья
Свой трагический рассвет?

Мы смеемся, веселимся,
Горько плачешь только ты.
Для тебя в руках у мамы
И конфеты, и цветы.

Мир жесток,
и мир прекрасен,
И кому судить о том:
Может, станешь ты поэтом?
Может, станешь палачом?

Ты кричишь, дитя Вселенной,
Голосистый по судьбе.
А в углу Пророк незримый
Тихо плачет по тебе.

Лесное кладбище

Лесное кладбище — так называется сосновый бор близ Таллинна, где захоронены видные люди Эстонии

Нет на кладбище этом усопших,
Есть движение листьев и трав.
В царстве сказочных сосен промокших
Каждый луч по-особому прав.

Ни крестов, ни громоздких надгробий,
И парящие кроны тихи.
Забываются (нет, не от скорби)
И свои, и чужие грехи.

Как автографы, скромные плиты,
И лесные цветы, как друзья.
Здесь угасли мирские обиды,
Милосердье живо бытия.

Голос леса, как голос Вселенной,
Этот голос я слышу в тиши.
Остается навеки нетленным
Лишь огонь беспокойной души.

Костер памяти

Маме, Клавдии Гавриловне

На этой меже солнцеликих ромашек
Есть пепел костра, что давно отпылал.
И здесь мой отец, синеглазая мама,
Тебя в своей юности поцеловал.

Вы часто ходили сюда после свадьбы.
Костер полыхал,

и светила звезда.

И было надежным семейное счастье,
Но мир всколыхнула большая беда.

Ты часто ходила к меже.

Ты стояла

У хрупкой березки, тая свою боль.
И верил мой папа в карельском окопе
В твою, моя мама, печаль и любовь.

Гремела война далеко за лесами.
И миллионы, как ты, матерей,
Пахали и сеяли, строили, пели,
Растили во имя Отчизны детей.

Отец не вернулся.

И ты, моя мама,

Седая от горя к березке ушла.
И пламя костра трепетало, как свечка,
О памяти вечной божилась душа.

Жила одиноко ты и отрешенно.
Мы звали к себе, навещали тебя.
А ты говорила: «Я буду помехой...».
Смотрела сквозь слезы,
смотрела любя.

А нынче и ты, словно листик березы,
Ушла в небеса,
и тебя не найти.
Стою на меже у костра и страдаю.
Ах, как виноваты мы, мама!
Прости...

Мелодия бабьего лета

В серебряных нитях —
 прохлада рассвета.
Рябина горит,
 будто в небо летит.
И мучает тайна —
 грусть бабьего лета,
И по-озорному меня веселит.

Гляжу на друзей я восторженно-мило.
Мне хочется всех приласкать и обнять.
Бездумно-нелепо мы жизнь прокутили,
Теперь вот дрожим у святого огня.

Осенний пожар не спасет наши души,
И выпало нам кочевать, кочевать.
Рябина, как в детстве, как в юности,
с кручи
Нам машет платком, будто скорбная мать.

Мелодия бабьего лета хранима
До самых последних минут бытия.
То голос прощальный, то голос любимой,
Летающий, как эти листва и хвоя.

Перед собою прав.
 Наперекор беде
 Среди берез и трав
 Ищу вчерашний день.
 Но где его следы,
 Мне, солнце, подскажи,
 Ведь есть у Красоты
 Свечение души?
 Верни же день на миг.
 Мне только бы его
 Увидеть милый лик,
 И станет мне легко.
 Беспечный, я забыл,
 Что день неповторим.
 Ну для чего кутил,
 Когда я был любим?!
 В тот день она ушла
 Задумчива, тиха.
 И мечется душа,
 И рана глубока.
 Верну тот день, верну!
 И вечно не умру,
 Когда скажу: «Прости», —
 Прижав ее к груди.

К тебе, столица...

Когда-то я спешил к тебе, столица,
 Была ты шумной славою страны.
 А нынче ты — огромная больница,
 Где москвичи измученно больны.

В сердца людей вселились боль и смута.
 Громадный город —
 беспощадный спрут.
 Здесь корни мафий, заговоров, блуда,
 Здесь в высших кабинетах вечно врут.

Витает страх повсюду.
 Зябко. Душно.
 Для рэкета всегда добыча есть.
 Столица, ты —
 те самые конюшни,
 Которым нужен новый Геркулес.

Мое спасенье —
 здесь я ненадолго.
 Уже я болен. Дума горяча.
 Но, слава богу, есть Сибирь,
 есть Волга,
 И есть костер в долине кедрача.

...

*...блестят золоченые репы собора...**И. Бунин*

Золоченые репы собора
 Вознеслись от мечты и любви.
 Храм Блаженного древен, как ворон,
 Как легенды, Россия, твои.
 И, воздев руки слезно к собору,
 Грешник в муке просил: «Вознеси!...».
 Отвечали такому Егору
 Купола:
 «Коль терпенье еси,
 Вознесем,
 но и спросим сурово
 За распутство, за леность, за ложь».
 «Я суда не желаю такого.
 Сам себя вознесу, коли хошь.
 На терпенье и труд я не трушу,
 Мать-природа к мечте позвала».
 И Егор возносил свою душу,
 Строил он терема-купола.
 Он творил это диво с рассвета,
 Переполненный чувством любви.
 Так Кизи появились на свете,
 И соборы, Россия, твои.

С думой о Сербии

Мой костерок таежный одинокий
 Горит в ночи на берегу Оби.
 Мою многострадальную дорогу,
 О Господи, прошу, не торопи.

Я слышу голоса своих деревьев,
 Они пришли, как братья, к шалашу.
 Они ко мне относятся с доверьем,
 И я доверьем этим дорожу.

Они пришли, как боевые роты,
 Охранно встали на крутом яру.
 И сразу посветлели небосводы,
 И стало легче мне и костерку.

Притихла Обь.

И звезды воссияли.
 Луна посеребрила торный путь.
 Деревья повелительно позвали:
 В дорогу, друг,
 успеешь отдохнуть.

Прощай, мой костерок.

Придут другие
 С мечтами и заветами отцов.
 Иду спасать, спасти края святые
 И от пожаров, и от подлецов.

Танцует Капья

О, если б смог увидеть нашу Капью
Великий Гойя,
То наверняка
Был потрясен ее таежной статью,
И к кисти устремилась бы рука...

Танцует Капья танец «Сбор рябины»
В огне листвы,
В огне семи рябин.
И вместе с Капьей в этой пантомиме
Мы, словно листья, кружимся, летим.

Танцует Капья —
Лебедь с Элентура*,
На гибкой шее нити бус звенят.
В движениях быстрых есть движенья бури,
Они о смелых чувствах говорят.

Танцует Капья,
И танцуют блики
Лучей и веток по ее плечам.
И лебедей восторженные клики
Ложатся с листьями к ее ногам.

* Элентур (манс.) — дальнее озеро.

В диком бору

Колонны зеленые дикого бора —
Белесого зимнего неба опора.
И слышится музыка, музыка снега,
Видать, озарует красавица Вега.
То вдруг приоткроет завесу тумана,
То шлет аромат своего океана
Лимонно-еловый, йодисто-пряный.
И снег у нее до озноба душистый,
Наверно, коснулся Луны серебристой.
Послушай, душа,

скрипки ветра рыдают,
Снежинки, как слезы мгновенные, тают.
Просвет голубой вдруг
сверкнул на мгновенье,

Я понял —
то вечности прикосновенье.

И руки невольно простер я к просвету,
И что-то шептал,

что-то слышал ответы...

Колонны зеленые дикого бора,
Молю —

сохраните мои разговоры.

Улетают скворцы

Улетают скворцы из деревни
За причалы бумажных портов.
А мальчишки зовут их в скворешни
И под флаги своих крейсеров.

Но торопятся певчие птицы —
Соловьи деревенок лесных.
Глядя вслед им, печалются лица,
Как влюбленным не вспомнить о них!

Улетают скворцы.
Кто-то машет,
Словно детям родным, в вышину.
Неожиданно стали мы старше,
Провожая скворцов и Весну.

И мальчишка далеко-далеко
Взглядом стаю на юг проводил.
И охвачен неясной тревогой
Втайне парусник свой утопил.

Опадают, как листья, скворешни
На подушки мальчишек во сне.
Улетели скворцы из деревни,
Мы мечтаем опять о Весне.

Смеется над нами дитя.
Мы, взрослые, так не смеемся.
Нам нужно взглянуть на себя
Глазами ребенка.
Вернемся
К своей изначальной черте —
К доверчивости и доброте!
Мы в этом клянемся, клянемся...
Потом над собою смеемся.

В октябре

Он распутан —
 Клубок нашей жизни осенней,
 Во-он последние нити моих журавлей.
 Но остался твой голос —
 Твое огорчение —
 Металлический шелест листвы тополей.

Забывтый щенок

Похож на ежа он и ликом, и статью,
 Совсем малышок —

и в ужасной беде.

Не знает, что мы — его старшие братья,
 А мы позабыли о том в суете.
 Он бродит потерянно возле киосков.
 Наверное, ищет свою конуру.
 Он в мире огромном,

жестоким и скользком

Сегодня похож на хвоянку в бору.
 С рожденья уже никому он не нужен,
 Судьба покарала его ни за что.
 Погибнет от голода или от стужи,
 Вернее всего,

от ударов авто.

Где люди — он там.

Видно, верит, что кто-то
 Найдется, его от беды защитит.
 Подходит автобус.

Как много народа!
 Он в лица с надеждой глядит и глядит.

Другу, поэту Е.Ф. Вдовенко

Базар всегда его смущает,
Он волноваться заставляет.
Возле цветов он ходит, ходит,
И на торговок гнев наводит.
— Ну, что ты мельтешишь, мужчина?!
Не видел, что ли, георгина?
— Есть в белом георгине вьюга,
Я георгин люблю как друга, —
Так Человек им отвечает.
Но кто его здесь понимает?
Наверно, гордый гладиолус,
Далекий от хлопот, как полюс?
А может, тихая ромашка,
Глядит она, как Чебурашка?..
Идет.
От суеты страдает.
Букет огромный покупает.
И, к удивлению базара,
Цветы свои
проходим дарит.

Неужели с тобою расстанемся
Мы сегодня, мой друг, навсегда?
Неужели душа —
Моя станция —
Вдаль отправила все поезда?..

Я славлю раковины пенье —
Прощальный голос моряка.
Он принял смерть как удивление,
Уж близко-близко берега...
И вот его остался голос.
И раковины чуткой полость
Его для мира бережет.
А голос все зовет, зовет...

Сон

У сна всегда гривасты кони,
Своя гора,
 над ней паришь.
В окно уходишь от погони,
А там — деревня
 иль Париж.

Другу Косте Яковлеву

Лиловы лики скифов грозных
 На фоне грозовых зарниц.
 От этих ликов мне тревожно,
 От каменно-угрюмых лиц.

Плыву я пушкинской дорогой
 Из Феодосии в Гурзуф.
 В оранжевом огне отроги
 И розово мерцает туф.

Сквозь даль я вижу бриг военный...
 Был вечер.
 Небосвод сиял.
 И молодой, и вдохновенный
 Поэт на палубе стоял.

Глядел восторженно Раевский,
 Его движения тихи.
 Поэт читал Вселенной песни —
 Свои волшебные стихи.

И море приутихло странно,
 Поголубели небеса.
 И скифы — розовые камни —
 Открыли слезные глаза.

Они на миг глаза открыли
 При свете огненных вершин.

Те слезы навсегда застыли
 В канавах каменных морщин...

Плыву я памятной дорогой.
 Здесь берег и суров, и крут,
 Здесь скифы — каменные боги
 Явленья пушкинского ждут.

Когда позыв звезды небесной
Касается моей души,
Не нахожу себе я места
Ни дома, ни в цветах межи.

И вот, предчувствуя спасенье
От непонятной маяты,
Стою в ночи,

жду появленья
Своей загадочной звезды.

Ничуть, поверьте, не гадаю —
Она? А может, не она?
Звезду я сердцем ощущаю,
Она ко мне устремлена.

Она приходит в час желанный,
К ней тянется моя рука.
И заживает в сердце рана,
Уходит лютая тоска.

Звезда, свети мне в час тревоги,
Не забывай края мои.
Я буду знать,

что ты от Бога,
От высшей веры и любви.

Памяти Владимира Кочкаренко

Я в цветы осенние прилег,
Живы звуки, запахов оттенки...
Что же ты себя не поберег
Для стихов,

Владимир Кочкаренко?!

Настежь ветру, мареву хвои
Ты идешь, немыслимо неистов,
К жизни,

к сентябрю,
своей любви...

Кружат, кружат над тобою листья.

А когда метельная куржа
Над тобой качает головою,
Голос подает твоя душа,
Наступает оттепель зимою.

Волшебство стихов твоих, живи
В радуге цветов, ее оттенках!
Ты идешь, неистов от любви,
Как поэт Владимир Кочкаренко.

Как вольно сердцу в роще дикой!
 К стволу сосны припал щекой.
 И в этот миг я стал великим
 Перед Природой и собой.

О этот хмель зеленой власти!
 О животворная хвоя!
 Здесь, как Андрий перед Тарасом,
 Жестокость падает моя.

Судите, хайте отчужденно.
 Но я вам честно говорю:
 На свете есть одна икона,
 И я ее
 боготворю.

В Урае подросток-сосенка
 Стоит над уснувшей рекой.
 Ей хочется видеть зайчонка,
 Ей скучно и грустно одной.
 А рядом из видеобара
 Свирепые крики летят.
 Сосенка от криков устала,
 Задумчив у деревца взгляд.
 Пришел я на берег к сосенке,
 И стали мы вместе мечтать:
 Вот взять бы с экрана зайчонка,
 А может, смешного мышонка
 И... было бы с кем поиграть.
 Экран не подарит нам друга.
 Здесь точат убийцы ножи,
 И так колошматят друг друга,
 Что в зале кричат малыши.
 Им страшно

от страшного мира.

Неужто наступит черед,
 И к нам на просторы Сибири
 Тот мир

как реальность придет?..

Спаси нас, родная сторонка,
 От этой заморской чумы...
 Стоит одиноко сосенка,
 Ей снятся зайчата и мы.

— Наша граница на замке!..

— Она ведь не изба...

(Из разговора)

Да, граница не изба
 С тишиною у порога.
 Есть у ней своя тропа,
 Есть железная дорога.
 И река, и море есть.
 Даже ветер осторожен,
 Сторонится этих мест:
 Вдруг он будет огорожен.
 И на этой, и на той
 Стороне —

живые люди.
 И карающее «Стой!»
 Одинаково по сути.
 Только странно —

нынче «там»
 Злу дана большая воля.
 Зло вовсю стремится к нам
 Взять «свое»

уже без боя.
 Дрогнет слабая душа
 От наркотиков и денег
 И, ничем не дорожа,
 На чужой прошмыгнет берег.
 И опасна похвальба:
 На замке моя граница!
 У врага своя тропа,
 И она в уме таится.

1988 год

Явление Нерона

О люди, мы куда пришли?!
 Кругом бездумное веселье,
 Обман, распутство и безделье...
 Нерон хохочет издали.

«Вы в Рим пришли! — кричит Нерон. —
 Вам тоже надо зрелищ, хлеба
 И грозное, в тучах, небо.
 Вам нужен грех. И я польщен.

Я буду искренним. Глупцы,
 Вы вновь монарха захотели,
 Чтоб на потеху вас раздели.
 Да будет так. Эй, кузнецы.

Побольше копий и цепей
 Для этих вот смешных людей!
 О, сколь столетий миновало!
 Но ты, толпа, умней не стала!».
(Хохот Нерона).

Грядет...

Как мало мы с тобою жили
 В объятьях музыки своей!
 Но мы восторженно любили
 И любим праведных людей.

Когда в кедровый край закаты
 Пришли зловещи и красны,
 Мы поняли,
 что люди-братья
 По воле злой разобщены.

Та воля нас безверьем мучит,
 Та воля с Запада пришла,
 Чтоб не смогла взлететь за тучи
 Моя российская душа.

Той воле нужно послушанье,
 Той воле нужен наш испуг.
 Но через муки и страданья
 Придем мы к истине, мой друг.

Никто не сможет, не сумеет
 Взять души россиян в полон...
 На Западе гроза темнеет.
 Верши святую кару, Гром!

Сосновый бор до стона раскален,
 И синий ягель поседел от зноя.
 Но по весне
 он станет цвета моря,
 Олень, конечно, будет удивлен.

О ягельные милые поля!
 Спокойное оленье утоление,
 Для дальних переходов вдохновенье
 С надежной остановкой у ручья.

Олень вернется в древние края,
 И хриплый голос небеса разбудит.
 Зачем сюда пришли лихие люди?
 И почернели синие поля.

Олень на поиск ягеля уйдет.
 Спешить он будет, словно от погони.
 И, обессилев, голову уронит,
 Затихнет на руках сухих болот.

И я — олень.
 Иду тропой, устав
 От жажды и от горького сознания,
 Что, видно, обречен я на страданья.
 Ручьи мои летают, пеплом став.

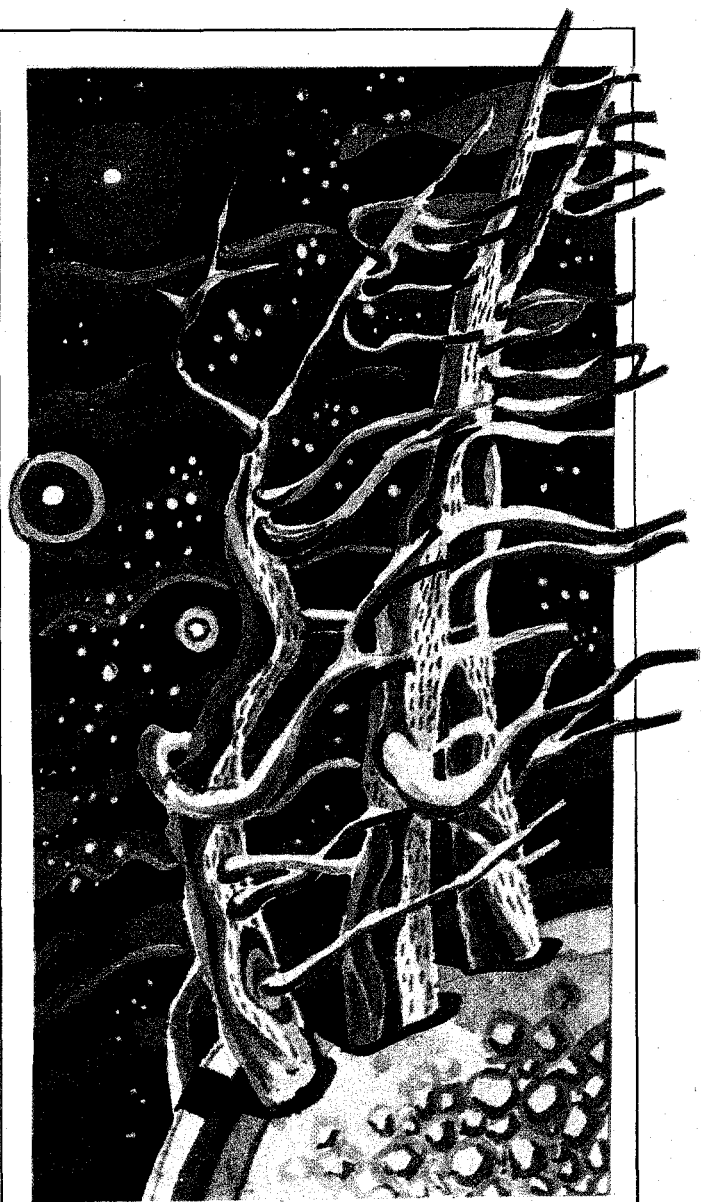
Деянья наши
 в траурной кайме,
 В минувшем много было бед и горя.
 И миллионы павших на войне,
 И миллионы павших от террора.
 Об этом нынче строго говорим.
 Но даже после всех ошибок горьких
 Нет снова милосердия к живым.
 Мы милосердье бережем
 для мертвых.

Весеннее прозрение

Йодисто-коричневые шишки
 На елях по-апрельски веселы.
 И суетливы белочки излишне,
 Ощупывая лапками стволы.
 И санквалтап* настраивает дятел
 На вознесенной к небесам сосне.
 И хочется любви, твоих объятий,
 Твоей улыбки в поле и во сне.
 О, если б человек в дурном настрое
 Не забывал величия свои!
 Что в этот мир явился он по воле
 Небес

для всеобъемлющей любви.
 Пролейся, свет весеннего прозренья,
 На равнодушных, горемычных, злых!
 И это станет вечным утешеньем
 Для нестихающих тревог моих.

* Санквалтап — хантыйский музыкальный инструмент.

Языческие лиственницы

Где же подлости мера, скажите,
Если нам изменяют друзья?!
Завяжите глаза мне, свяжите,
Уберите из бытия.

Тихо-тихо.

Не слышу, не вижу,
Брошен я в одиноком дому.
Сам теперь никого не обижу,
И обиду ничью не приму.
Я отрекся от белого света,
Я не верю ничьей красоте...
Запах свежей морошки и кедров
Невзначай до меня долетел.
Что такое случилось? —

я вижу

Снова милые с детства края,
Голос леса весеннего слышу, —
И раскаяньем мучаюсь я.
Я прощаю жестокость обиды,
Вас от сердца прощаю, друзья.
Ветры, дверь поскорей распахните,
Так по грозам соскучился я!

Праздник Грома

Над притаившимся бором,
Над Иртышом, над бударкой,
Над рыбаком у запора* —
Гром — и веселый, и жаркий.

Тр-р-ах! —
И расколото небо —
Выросли красные горы.
И покрасневшие гребни
Просят защиты у бора.

Что вы торопитесь, люди?
Небо нам с детства знакомо.
Травы ликуют повсюду,
Праздник сегодня у Грома.

Гром,
Над урманами празднуй
Радуг стоцветных пожары.
Не для трусливых и праздных
Майского грома удары.

Гром,
Хохочи, торжествуя.
Прячутся в душные норы
Злоба, измена...
Иду я,
И зеленеют просторы.

* Запор — рыболовное устройство
на реке.

В метро

Красотой спасется мир...

Ф. Достоевский

Пять гладиолусов росистых
С тобой явили Красоту.
Ты вдохновенна,
Ты лучиста,
Ты словно все еще в саду.
Ты — миг гармонии Природы.
И по велению Христа
Разъяты мраморные своды,
Мир ждет спасенья, Красота!

Я помню тот вечер застольный,
Мне было тогда двадцать три.
Гуляли мы долго и больно,
Гуляли всю ночь до зари.

Потом у черемухи пенной
Я тихо, устало прилег.
И пологом звездной Вселенной
Укрыл меня, видимо, Бог.

Кружилась душа молодая,
Кружились деревья окрест.
Частица волнений живая
Земли и зеленых небес.

Кружилась изба Иванова,
В избе продолжалась гульба.
Тревожная и озорная
Меня сторожила Судьба.

По воле цветущего мая
Меня берегла, как стихи,
С улыбкою грустной прощая
Поэту-мирские грехи.

И с неба светила упрямо
Моя молодая звезда.
И свой наказующий камень
Оставила в поле Беда.

У этой черемухи пенной
По-матерински сошлись
Тревога о сыне Вселенной,
Забота о песне земли.

И встал я,
 как будто живою
Водой окропили меня.
Плясало вдали за рекою
Светило воскресного дня.

Я шел,
 понимая душою,
Что нужен я солнцу, траве,
Поющей листве надо мною, —
И зрели стихи в голове.

К звезде одинокой смятенно
Я чуткие руки простер.
Горит на виду у Вселенной
Мой тихий таежный костер.

Вот так же на дальней планете
Дорожный горит огонек.
И некто при синем рассвете
Услышать мечту мою смог.

Он видит в глубоком смятении
Сквозь толщу родимых небес
Ночное земное свечение
И мой растревоженный лес.

При нас вековая разлука —
При нем и, конечно, при мне.
И, мысленно видя друг друга,
Мы скорбно стоим в тишине.

Ты смеешься и ходишь легко,
 Не имеешь забот, вероятно...
 Годы юности так далеко!
 Двадцать лет надо ехать обратно.

Я с волнением гляжу на тебя.
 Жить бы надо мне только с тобою.
 Говорю я, надежду тая:
 «В путь обратный поедem со мною?».

Ты смеешься: «Вы шутите, да?
 Я достойна любви, без сомненья,
 Коль со мною моя красота.
 Это вам... предстоит возвращенье.

Если юным вернетесь, то я
 Буду вашей, поверьте, навеки».
 «До свиданья! Так жди же меня!
 Одолею и горы, и реки...».

В край моих первозданных лесов
 Мой зеленый вагон уносило.
 А с тропинки глядела любовь,
 И задумчиво солнце светило.

Этот миг я несу сквозь года
 И веселую девушку эту.
 За окошком летят города
 И дороги —

я еду и еду.

Семейные времена года (шутка)

Зима

Со мною ты не говоришь,
 Два дня, как статуя, молчишь.
 Стоит немытая посуда.
 Зима.
 Мороз крепчает.
 Худо.

Весна

Звенят ручьи,
 Поют скворцы,
 Смеются наши сорванцы.
 Ты беспричинно весела,
 Меня при людях обняла,
 Сказала громко, грех какой!
 «Пора любить. Пойдем домой».

Лето

Ромашкой пахнет луговой,
 Кошу траву я за рекой.
 И на меня тебе не лень
 Смотреть влюбленно целый день.

Осень

О первой вспомнила любви,
 Глаза задумчивы твои.
 От возмущенья стал я нем.
 Эх, был бы у меня гарем!..

Февральские ветры — бураны, метели —
Бока моей лодке память захотели.

Они налетели — голодные волки,
Но зубы свои иступили — и только.

Тогда намели они снежные горки,
И лодка под ними заплакала горько.

И выплыло солнце из розовой тучи,
И ветры умчались в пихтовые гущи.

Мы с солнцем на пару колданку лечили,
Мы варом целебнейшим раны залили.

И крикнул тогда я в притихшие дали,
Чтоб с мартом они мне весло присылали.

Августовская ночь —
 это мрак темно-синий.
Словно угли из пепла,
 рдеют кисти рябин.

Чуть алеет закат.
И во имя России
Ночь несет Красоту —
золотой георгин.

Плачут звезды
и падают в омут Вселенной,
И рождаются в мире искры зла и добра.
Августовская ночь —

ночь мученья, прозренья,
Ты, как верного друга, в путь меня позвала.
Терпко дышит трава.
Георгин золотится.
За рекою ведут хороводы стога.
Чья-то кружит душа —

одинокая птица —
Не познала любви —
вот и боль навека.

В эту ночь ты не жди, мать, любимого сына.
Дочь под утро придет,
Ты, отец, не тужи.
Очарованы были они георгином,
И познали они вознесенье души.

Звездный час!
Небесный мир распахнут.
Он зовет меня к себе, зовет.
И лучи черемухой пахнут,
Значит, там черемуха цветет.

Улетаю от Земли утарной.
Море лжи, жестокости кругом!
И на оклик станции радарной
Не отвечу, не качну крылом.

Наша правда —
 горькая калина,
Эта горечь —
 крик души живой.
И гасить огонь в родных борах
Я с планеты прилечу другой.

По легенде Меншиков любил сидеть, мечтать у древней лиственницы на высоком берегу Сосьвы.

(От автора)

Я прикасаюсь взглядом к ветке,
Я думой в дали улетел...
Была под деревом беседка,
Здесь часто Меншиков сидел.
Глаза его огнем пылали,
Он видел, видел, как в бреду:
Петра, себя, друзей, бокалы
И ту нежданную беду.
Вздыхал.
Усталою рукою
Ласкал он, словно друга,
Ствол.
Потом походкою былою
В свою обитель гордо шел.
В весенни дни исповедально
Он мысли дереву вверял.
И рубцевались в сердце раны,
Он от мучений прозревал.
Признался он себе однажды —
Низринутый с вершины бог:
«Достоин уваженья каждый,
Кто в беды честь свою сберег».

Купола Тобольска

Остану Шруб, художнику

Купола.

Как тот звонарь безвестный,
Я пред ними замер, не дыша.
В них истории гнездятся вести,
В них мятежных россиян душа.
Вот какая сила, добры люди,
Вас сюда на исповедь вела!
Соловей Алябьева повсюду
Славит ваше диво, купола.
И гремят по облакам копыта
Горбунка, волшебного конька.
По дороге, грозами омытой,
Он летит на зов тоболяка.
И пророчит нам победный поиск
Сказочника дерзкая строка.
Голубые купола Тобольска
В небесах плывут,
Плывут века.

Рерих

Я вижу горы, горы, горы
В ручьях багрово-алых жил...
Он им, раздумчивым и гордым,
Отвагу сердца посвятил.

Его, художника-поэта,
Молчанье тайны веселит.
Как Будда грозного Тибета,
Он молча в небеса глядит.

Сжимает кисть рука упрямо,
Снег озаренья бьет в виски.
И в сердцевину чуткой рамы
Упали первые мазки.

И снова горы, горы, горы...
И Ганг, бушующий вдали...
Зачем вы, журавли, на горе
Поклон от Волги принесли?..

Ночь священного медведя

Сладковато пахнет прелью.
 Тишина окрест стоит.
 Под густой смолистой елью
 В сладком сне медведь сопит.
 Он по-прежнему священный,
 Но... лишь только для себя.
 И сторонкою деревни
 Он обходит, злость тая.
 Никакого уваженья
 И коленопреклоненья
 Он не ведает теперь.
 А кругом его владенья.
 Он кричит от возмущенья:
 «Люди, я — священный зверь!
 Коль просить подарок стану,
 Ты, Микуль, веди бычка.
 Я намял вчера Степану
 За ослушанье бока».
 Устя с Матрой ахат-охать:
 «Надо двух телят отдать.
 А иначе будет плохо,
 Станет нас Он обижать».
 Сам Степан сквозь боль смеется —
 Перевязаны бока:
 «Очень грубо Он дерется,
 Недостойно мужика.
 Хочет, видно, чтобы я
 Принял помощь от ружья...».
 «Ты, Степан, неисправимый,
 Ты идешь к своей беде.

Он, медведь, тайгой хранимый,
 Он в лесу,

как сом в воде.

Ой, придет к нам наказание!

Лучше помолчи, Степан...».

Ночь — к утру.

Вокруг сиянье,

Золотых берез туман.

Ель громадная чернеет,

Охраняя сон Его.

Кто прийти к нему посмеет?

Кто храбрец?

Нет никого.

Но запомни, зверь священный,

Ты своей тропой ходи.

Мы к тебе храним почтенье,

Но коленопреклоненья

Ты от нас теперь не жди.

Кара-ю! Кара-ю!

Сосновая поляна

Молоткову В.М.

Сосновая поляна в кедраче
Подобна восхитительному чуду.
И рыжая хвоинка на плече...
Она присела только на минуту.
Ее, как неизвестную печаль,
Уносит тихо паутинка вдаль.

Здесь музыка живительна с утра,
И сосны, распеваящие с кручи,
И голос старикана-глухаря,
Когда заря раскалывает тучу,
И белочки языческий мотив,
Кедровки голос, как всегда, криклив.

Мы знаем —
тут нельзя без костерка.
Дымок меж сосен в небо заструился.
Лазурней, ярче стали облака,
В них клин гусей, как паутинка, скрылся.

Но странный звук в лазури той остался.
Он плакал, звал, стонал, он восторгался —
То с нами день сегодняшний прощался.

По мотивам повести Джека
Лондона «Черепаша Тасмании»

(Автор)

Живи для воли неба и лесов,
На помощь тем, кто в горе, будь готов.

Лети, пльви, ходи из края в край,
О ранах сердца, друг, не вспоминай.

Но в час предчувствия своей беды,
Кому дал счастье, тех припомни ты.

И папиросу, словно от зари,
Из рук любимой молча прикури.

Запомни, будешь вечно ты любим
Под этим небом, истинно твоим.

Я нынче бездумный затворник,
 На чувствах крылатых замки.
 Мечта не приходит о воле,
 Не знаю забот и тоски.
 А в мире и горе, и плачи,
 Печальнее день ото дня.
 А люди несут передачи —
 Волнение, любовь для меня.
 Живительно это участие,
 Я заново душу обрел.
 И к людям ушел я в ненастье,
 В грозу громовую ушел.
 И стал я с раскаянным взглядом
 Удачливо, яростно жить,
 Другому затворнику на дом
 Свои передачи носить.

Не умирай, пока живешь.

(Галльская поговорка)

Небесной манны, видно, ждешь —
 Считаешь облака.
 Не умирай, пока живешь,
 Вот именно — пока.

А кедр цветет.
 И зреет рожь.
 И место есть в тени.
 Не умирай, пока живешь,
 Бери же эти дни.

Я грешен сам.
 Большую дань
 Я водке уплатил.
 Живой воды от горьких ран
 Сейчас бы я испил.

Но... нет ее.
 И как вернешь
 Обиженный свой час?
 Не умирай, пока живешь,
 Гори душой сейчас.

Бобренок,
 брат с головкой снежной,
 Ты у простора на виду.
 Бобренок,
 брат с душою нежной,
 Ужель не чувствуешь беду?
 Ах, веришь людям ты с рожденья,
 И веришь матушке-реке.
 Гляди!

К тебе крадется тенью
 Охотник с палкою в руке.
 Проворно прячась за деревья,
 Он приближается к тебе...
 Последний раз живет доверье
 В твоей душе, в твоей судьбе.

Выртум*

Только утро наступает
 Выртум —
 чаша на бугре —
 Заалее, засияет,
 Как рябина в сентябре.

В полдень озеро бледнеет.
 Пара лебедей в тиши
 Час от часа розовеет,
 Розовеют камыши.

Ночью лось прыдет ушами,
 В красных водах жутко плыть.
 Удивленными глазами
 На него взирает выпь.

Птица желтая ночная
 Видит нынче при луне,
 Как, рубиново мерцая,
 Звезды плавают на дне.

* Выртум (хант.) — красное озеро.

Диалог

- Читатель: Ты, словно бог, задумался, поэт.
Тоска? Иль совесть мучает тебя?
- Поэт: Да, горько на душе. Покоя нет.
Но я живу, людей Земли любя.
- Читатель: А можно ли сегодня
 всех любить?
Не видишь жадность, ложь,
 подхалимаж?
Боишься чашу горькую испить?
Мы верили,
 что ты — ответчик наш...
- Поэт: Да, я — ответчик.
 Но сейчас молчу.
Я тоже по теченью плыть хочу.
И жизнь красна!
 Народ повсюду пьян.
Забыл причины
 наших горьких бед.
- Читатель: Но это же, поверь, самообман!
Ты что — смеешься
 надо мной, поэт?
- Поэт: Смеюсь я только
 над самим собой.
Спасибо, друг. Я принимаю бой.

Вчерашний раб

Тирана нет.
И раб вчерашний
Поспешно занял трон пустой.
И вот уже
 и жест монарший,
И взгляд холодный и немой.
Но зная,
 что не продержаться
Ни дня без этих вон трудяг,
Он начинает притворяться,
Всем дарит именной пятак.
Он обещает людям блага,
Речами, властью упоен.
Горит, как рана,
 чувство страха
Уже за свой державный трон...
Предав доверие народа,
Он сгинул,
 как звезда в ночи.
Впредь
 не спеши с вождем, Свобода,
Ищи достойного, ищи.

Одинокий поручик

Развеялись дымные тучи
Над полем вражды и стрельбы.
Стоит одиноко поручик —
Осколок пехотной цепи.

Над полем морозно и ясно,
Березы у поля стоят.
К последней атаке на красных
Готовится белый отряд.

Стоишь ты задумчиво-тихо,
Перчатки в морозной пылице.
Закручены усики лихо
На смуглом красивом лице.

Ты думаешь: «Как совершенны
Березы в январском цвету!
Забыли мы в схватках смертельных
Природы родной красоту.

Не дикость ли это?!

Довольно

Об этом судить и рядить!
России воюющей больно,
Но некому нас рассудить».

И будет атака.

Перчатки

Ты бросил на розовый снег.

И топот услышал солдатский.
Прощай, мой расколотый век!

За полем тайга почернела.
Снега, как ромашки, цветут.
Идете вы в белых шинелях,
А красные
в красных идут...

И лес расступился дремучий.
Живые, спешите уйти.
Лежит одиноко поручик
С наганом,
прижатым к груди.

Снова про Чапая

Курсантов ночью сняли с караула*
Да кто же дал предательский приказ?
Наверно, эта тайна не для нас...

Огнем плакуются карабинов дула,
Лютуют шашки конников косматых,
И пулемет дрожит...
Чапая нет.

Но ярко жив его душевный свет,
Жив образ полководца и солдата,
Любимого народного героя.
От этой славы нет врагам покоя,
Она клеймит врагов и подлецов,
В отместку — новый анекдот готов.
Мусолят эти анекдоты в барах
И ресторанах все кому не лень.
Под хохот пьяных вижу горький день —
Спускается Чапай к Уралу с яра.
И снова вижу карабинов дула,
И снова вспоминаю про беду,
Я вспоминаю про измену ту —
Курсантов ночью сняли с караула.

* В ночь гибели Чапаева и его штаба по чьему-то приказу была снята с караула дивизионная школа — рота курсантов (Из воспоминаний Д. Фурманова).

...

Я привыкла к измене и обманам...

(Признание знакомой девушки)

«Я привыкла к измене,
Я привыкла к обманам...».
Тропы торные, Лена,
У тебя к ресторанам.

Как в старинном романсе,
Снова слышишь хмельная:
«Я к ногам твоим царство
Кинул бы, дорогая...».

И с повадкой лисей
И плешиной отменной
Некто из Кутаиси
Говорит откровенно:

«Хочешь —
будет сберкнижка,
Бриллиантовые серьги?...».
Современный купчишка
Не скупится на деньги.

Ты доверчива, Лена,
В этом жутком веселье.
Как собака на сене,
Ты проснешься в постели.

Вздрогнешь ты от испуга,

И замрешь на мгновенье.
 На вчерашнего друга
 Ты глядишь с отвращеньем.

Рай обещанный, Лена,
 Где-то там, за туманом.
 Ты привыкла к измене,
 Ты привыкла к обманам.

1987 год

Сотворение женщины

Явление женского тела
 Есть тайна Природы самой —
 Оно от метелицы белой,
 Оно от стихии морской.

Распахнуты бедра для пира
 Желанной и страстной любви.
 И в днях сотворения мира
 Есть, женщина, стоны твои.

Природа трудилась умело,
 Фигуры творя естество.
 Изящество женского тела,
 Мол, это превыше всего.

И шею чуток удлинила
 Под кроной мятежных волос.
 Подумав, с улыбкой решила:
 Капризный я выточу нос.

Задумчиво груди ваяла,
 Терпенья набравшись с утра,
 Творение

женственной стало
 От линий округлых бедра.

И ночью дождливой, глубокой
 Закончились дни маяты.
 Опасные стройные ноги
 Явились венцом Красоты.

Пошла Красота, усмехнулась:
 — Ну, бедный мужчина, дрожи.
 Природа тогда спохватилась:
 — Не можно красе без души!

И... снова за труд. Говорила:
 — Ой, трудно мне душу лепить!
 И если я что упустила,
 Прошу и понять, и простить.

Идол-примелец

В.В. Заволжину

Мой идол по слухам с небес прилетел
 И возле амбара священного сел.
 И прадед, как пулей подкошенный, пал,
 Когда на восходе его увидал.
 Обугленно-черный от тяжелой судьбы,
 Он, идол, глядел на мерцанье звезды.
 Последней звезды, уходившей от нас,
 И красные слезы катились из глаз.
 И понял мой прадед без стога и слов,
 Что видит, счастливцев, посланца богов.
 И молча он к идолу руки простер,
 Но идол смотрел в поднебесный простор.
 А с речки туман наплывал, наплывал,
 Он идола словно с земли поднимал.
 И прадед от страха домой побежал...
 Я идола помню.
 И помню амбар,
 Куда мы носили для идола дар.
 Не смея и близко к нему подойти,
 Мы странные чувства таили в груди:
 Почтенье, досаду, надежду и страх,
 Просили удачи в таежных делах.
 К нему свою исповедь каждый имел.
 А он отрешенно на небо глядел...
 Об идоле многие зло говорят.
 А я вспоминаю загадочный взгляд.
 Признаюсь:

я тоже в час горькой беды,
 Как идол, гляжу на мерцанье звезды.

Завет

Над ним луны дрожащий парус,
 На нем сова сидит, прозрев.
 Оброс зеленым мохом карус*,
 На пятки рыжие присев.
 К нему дорога неизвестна.
 Зарубки?

Тех деревьев нет.
 Кругом болото — злое место,
 Не любит эту глушь рассвет.
 Я все-таки сюда добрался,
 Зов тайны страха посильней.
 Сейчас, сейчас родится сказка,
 И клад Югры подарит мне.
 Но что я вижу?

Лук еловый,
 На тетиве лежит стрела.
 Не зря сюда на знак суровый
 Меня тревога привела.
 Стрела — посланник беспокойства,
 Завет священный на пути:
 Наследник, равнодушья бойся,
 Воителем добра иди.

* Карус (манс.) — амбар, хранилище
 лесных припасов и кладов.

Монолог охотника

У охотничьей сторожки
 Много здесь, в бору, друзей:
 Ворон, зоркий и сторожкий,
 Два потомства глухарей...
 Я встаю всегда при звездах,
 И они — мои друзья.

Я в поход,
 они — на отдых,

Ночью берегут меня.
 Такова у нас работа,
 В этом нет моей хулы.
 Соболиному полету
 Удивляются боры.
 Да и я лететь стараюсь
 За искристым собольком.
 Как ни маюсь,

как ни каюсь,
 Все же встретимся потом.
 Он в снегу,

а я с ружьем...
 И настанет вечер звездный,
 И настанет час вины.
 Понимаю, лес тревожный,
 И мечты твои, и сны.

Не говорю тебе: люблю,
Признанья дважды не бывает.
Но выслушать меня велю,
В душе,
как в небесах, светает.

Ведь я глумился над собой,
Считая нашу веру лишней.
Я без тебя и встречи той
Остался бы навеки нищим.

Когда ко мне волна-тоска
Подходит яростно вплотную,
Ложится на плечо рука
Твоя,
и я ее целую.

Как пруд, тиха ее душа,
Еще не брошен первый камень.
И, беззаботно хороша,
Она живет еще не с нами.
Не с нашей грешной суетой,
Не с ханжеством, угодой, лестью.
И, слава богу, стороной
Ее обходят сплетни-вести.
Она еще, как тот росток,
Свободный, трепетный, зеленый.
Мир для нее сейчас высок,
Она глядит на мир влюбленно.

Притворство женщин не от страха,
С притворством женщине легко.
Представьте, ей дала для блага
Природа это естество.

Притворство как самоохранность.
Тут жест Природы так же прост,
Как ящериц спасает странность —
Дарить врагу на память хвост.

Попробуй сразу нараспашку —
Мужской угаснет интерес.
О нет, не повторит промашку
Она для радости повес.

Она замужнею предстанет,
Хотя сама, как дым, вольна.
Вдруг ни с того-сего устанет,
А то заявит, что больна.

И так притворством изматает,
И так измучает тебя,
Что сердце бедное устанет,
И говоришь: «Любовь моя...».

Мужчина, не держи обиду.
Лишь женщина подарит рай.
Притворство как самозащиту
И как улыбку принимай.

Опять развод.
Да сколько можно
Грозить разводом, милый друг?!
И вижу —

 стало ей тревожно,
В ее глазах мелькнул испуг.
Пошла.
Вздохнув, остановилась.
«Прости», — промолвила она.
И, как слеза,

 с лица скатилась
Ее житейская вина.

Молчание

(шутка)

Молчанье —

это гениально.

Молчу —

стих пишется в душе.

Кто говорит,

тот ненормальный:

Он повторяется уже.

Клятва

Кто много клянется,

не верю тому,

Ведь клятва дается однажды,

Когда ты решил уберечь тишину,

И в этом поклялся отважно.

Клянутся в любви,

познакомясь едва,

Клянутся за пьянкою, кстати.

Легко забываются клятвы слова

При первой житейской утрате.

Клянутся на дружбу,

на тайну,

на страх,

Клянутся детьми, матерями.

Но если бы клятвы те жили в сердцах,

А не оставались, как мед, на устах,

Они бы не гасли с годами.

Но клятва,

которую Родине дал,

И знамя священное поцеловал, —

Она в твоём сердце навеки,

Как вечны и горы, и реки.

Я грусть несу, как яблоко раздора,
В веселую компанию твою.
Я не вступаю первым в разговоры,
Но «Бригантину» первым я пою.

К незнаколке

Дождь.
Не будет просвета на небе сегодня.
Образ нежный, как чайка, остался вдали.
Ночевал я вчера,
жизнь, в твоей преисподней,
Чувства жалости к людям туда привели.

В этот мрачный барак.
Но твою, незнакомка,
Красоту
никому никогда не затмить.
Я пришел,
и запели скворцы мои звонко,
Значит, надо и нам о любви говорить.

Не смущайся,
взгляни хорошо и открыто,
Как с картины Крамского,
ты гордо взгляни.
И проснется в душе все,
что было забыто,
И закружат тебя
детства светлые дни.

Я пришел.
Так поднимем за встречу бокалы,
Чтоб от тихого звона
качнулись дворцы,
Чтоб не стало бараков и горькой печали,

Чтоб во сне проклинали себя подлецы...
 Что за век!

Хоть пиши по-рублевски иконы.
 Космонавты —

в загадочных далях небес.
 А на грешной Земле

и бараки, и зоны...
 И растет для великого Здания

лес.

*В старину родичи покинутой
 невесты строили козни во время
 свадьбы жениха с новой возлюбленной.*

(От автора)

Кони фыркают, ни с места.
 Смех вокруг стоит уже.
 И бледны жених с невестой,
 Смутно стало на душе.

Кнут, как молния, сверкает,
 Дружка справа, слева бьет.
 То свистит, то понукает,
 То чертей к себе зовет.

Дружка умный.
 Из кошевки
 Он кричит: «Народ, стой!».
 Накренил он сани ловко,
 Глянь — полозья у кошевки
 Густо смазаны смолой.

— Знаем мы, чьи это штуки! —
 Дружка громко произнес.
 Взял жених Судьбу на руки,
 В избу заново унес.

Дружка дерзкие частушки
 Сыплет. Дружка молодец.
 — Ой, смеются в небе утки,
 И смеется ближний лес.

Галя травы собирала,
Чтоб Кузьму приворожить.
Собирала, ревновала,
И давай смолу варить.

В лес Анисья провожала
Конного и пешего.
Семерых сынов родила,
Видимо, от лешего.

Все смеются, дружка тоже.
— Распрягай коней! — кричит.
И кошевку подороже
Он скорей подать велит.

Пляшут кони вороные,
Бубенцы гремят-звенят.
Вышли к людям молодые.
— Трогай с богом! — говорят.

Кони прыгнули, взлетели,
Не зевай, посторонись!
И взлетел за ними смелый,
Озорной, нахальный свист.

А Галина, что недавно
Милой жениху была,
Позакрyla в доме ставни,
Плакать в горенку ушла.

Плачет девушка стыдливо.
Мать от дочери тайком

Сор на улицу ретиво
Выметала голиком.

В церкви молодых венчали,
В церкви музыка жила.
Говорили, ликовали
В небесах колокола.

Мы на свадьбе не гуляли,
Не хватило нам бы мест.
Мы из наших дней узнали
Про церковный благовест.

Анне Митрофановне Коньковой,
мансийской сказительнице

Я знаю тот последний час
Седого кедра на рассвете:
Печальный взгляд зеленых глаз,
Прощальный взмах усталых веток.
Как опустело на земле!
Хотя, смотри, деревьев сколько!
И чудо —
Утром на стволе
Родилась крохотная елка.
Она пришла сюда на зов
Моей души, деревьев, солнца...
Бессмертны мы.
И в тень веков
Уйдя,
Лесами в мир вернемся.

Лосиха

Ярко-желтая лосиха
Посреди травы зеленой.
Белый ветер, ахнув, стихнул,
Ива смотрит удивленно.

Шебутные турухтаны*
Присмирели —

что за диво! —

Этот зверь, громадный, странный,
Неужели их красивей?

Белой ночью всюду тихо.
Караси проснулись в иле.
Ярко-желтая лосиха
Ждет явления светила.

* Турухтан — кулик.

Седая река

Река состарилась до срока.
Обрыв белеет осыпной.
Была река и в сушь глубокой,
А нынче

дно достал рукой.
Чернеют мели с куликами.
Пушица возле хилых ив,
И от бензина под лучами
Стал фиолетовым залив.
Косяк осенний журавлиный
Летит, рыдая, высоко...
Мы, люди, с древности повинны
В разоре Храма своего.

Гелию Николаевичу Котову

Над Ендырской протокой моросит,
И стоны лебедей с небес доносит.
И Гелий Николаевич глядит
Задумчиво на дождевые росы.
Он слит в Природой.
И гусиный гам
С далеких сатбищ* радует, волнует.
Осенний и божественный орган
Поет, возносится, ликует.
Мелькнет* слеза,
когда певучий клин
Растает в дымчато-белесой дали.
И долго он стоит потом один
В какой-то неразгаданной печали.
Он счастлив —

у него своя стезя,
Своя звезда,
своя в лесу поляна.
И первых лебедей проспять нельзя,
Как в праздник,
просыпается он рано.

* Сатбище — заливное мелководное озеро.

От медной тучи —
импульсы беды.
Смотрите,
съежились берез листы.
Смотрите,
листья ивы, как спираль,
Уже багрово-красной стала даль.
Угрюмый ветер воет и свистит,
И пыль Земли,
и пыль небес летит.
И человек тревожно-робким стал:
Он перед бурей,
как песчинка, мал!
И вздрагивают в аэропорту
Сверхпрочными телами наши Ту.
Кажись, мгновенья жизни нам даны,
Потом мы будем
бурей сметены.
В мгновенья эти стали мы равны —
От маршала до муравья страны.
Нет сил таких,
чтоб бурю усмирить.
Она простит нас,
значит, будем жить.

Молчат поэты,
и молчит народ.
Предгрозовое трудное молчанье.
Мы выпьем чашу, полную страданья,
Душа воспрянет,
сердце запоет.

Спешите, стихи

Мучительно трудно стихи
Рождаются в сумерках прозы.
Стучатся чужие грехи,
Чужие обиды и слезы...
Зовущий пронзительный крик,
Злорадство, проклятия —

это

Страны исстрадавшийся лик,
Ее горемычная мета.
И пахарь уже изнемог,
И хлеб на корню умирает,
И кажется мне василек
Последнею восточкой рая.
Священный прощается бор
С оранжевым облаком бога.
За этот вселенский разор
Виновные снова далеко.
Я чувствую козни врагов,
Я вижу измены, интриги.
Спешите, стихи!
Я готов
Нести искупленья вериги.

Вечный бой

Отцу —

Семену Прокопьевичу Тарханову

Глаза земли задумчивы и кари,
А щеки в конопушках земляник.
Поляна детства мне раздумье дарит,
И к ней душою
я сейчас приник.

Там — голоса.
Я чую запах гари.
Гранаты рвутся,
Вечный бой идет.
В горячих бликах
близкого пожара
Отец в атаку поднимает взвод.

Ты оглянись, отец,
и я запомню

Твои черты,
ведь я не помню их.
Скажи о том солдатам запыленным,
Чтоб я запомнил и солдат твоих.

Но вы спешите.
Голоса стихают.
Я поднимаю голову —
Вокруг
Оранжевые бабочки летают,
Глухарь смешно оттачивает звук.

Мир на земле.
И нету выше блага,
Чем это —

 слышать небо и траву.
Дай бог, в стране жива отцов отвага,
И потому, наверно, я живу.

В глазах Твоих черных
 ночной окоем,
Загадочный и неповторный.
И, чувства скрывая,
Мы, каждый тайком,
Внимания ждали задорно.
Мы немо смотрели, любуясь Тобой.
Мальчишкам — какая награда!
Но знай —

 за Тебя,
Не колеблясь, любой
В огонь упадет, если надо.
Ты в классе десятом была всех бойчей.
Признаньями мучились парни.
Ты каждой улыбкой, походкой своей
Будила горячие тайны.
Есть робким в насмешку

 удачи ловцы.

Красивы слова Его были.
Ушла Ты.
И мы, пятиклашки-мальцы,
Навеки Его невзлюбили.
В каких же просторах дорога Твоя?
От нас Ты ушла торопливо.
Мы нынче мечтаем увидеть Тебя,
Но только, как прежде, — счастливой.

Лишний

Бежит из юности до срока
Такой веселый паренек.
Задумчиво глядит сорока,
Растерян двоечник-дружок.

Но так же будет шумно в школе,
Забудут вскоре про него.
Он школу променял на волю,
А с волей сладить нелегко.

Он этого еще не знает,
Ударов жизни не познал.
Он рюмку водки выпивает
И думает, что взрослым стал.

На воле он одно усвоил:
Горластым будешь — станешь прав.
Его сантехником устроил,
Желая блага, домуправ.

Замкнется рано он. И даже
Заплачет в горький свой стакан,
Когда ему по пьянке скажут:
— Ушел бы лучше ты, пацан!

Но нет ему назад дороги,
У юности не взять весла.
Он — журавленок одинокий,
С тоской глядящий в небеса.

А рифма мне неинтересна,
Она как зелье от греха.
Она от правил всем известных.
Я верю в музыку стиха!

Озеро Веселое

Алексею Борисовичу Кетрицу

Это озеро Веселым
Даже вороны зовут.
Впереди желтеет поле,
Рядом камыши цветут.

Север дал ему три бора,
Сосны юные стоят.
Как сороки на заборе,
Говорят и говорят.

На востоке — берег белый.
Словно из заморских стран
Прикатил на волнах пену
Развеликий океан.

Любят девки, любят бабы
Погулять здесь вечером.
Тут справляют даже свадьбы,
Пляшут лихо босиком.

Мужики под вечер синий
С песней ловят карасей.
С этим озером России
Жить на свете веселей.

Здравствуй, лес —
 мой врачеватель,
Мой надежный друг-хранитель
И души моей ваятель,
А потом ее спаситель.

Маки Крыма

Другу Леониду Чеховичу

Если и камень зрячим
Станет,

его пойму:

Капли зари горячей —

Маки цветут в Крыму.

И очарованы ими

Птицы и облака.

Чту совершенство линий

И аромат цветка.

Я обретаю крылья,

Даль небес поутру.

Алые маки Крыма

В песню свою беру.

Корни стиха моего

В добрых и сильных сердцах.

Гордую крону его,

Друг мой,

ищи в небесах.

Памяти брата Вани

Угасли июльские ветры
 В далекой моей стороне.
 Священные мудрые кедр
 Стоят в предзакатном огне.
 И белки пурпурными стали,
 И шишки как будто горят.
 Деревья в сиянье багряном
 Задумчиво в небо глядят.
 Я трепетно кедр касаясь,
 И он зашумел надо мной.
 Понять его знаки стараюсь
 В обители этой святой.
 Здесь кладбище наше священо,
 И память стучит горячо:
 Душа твоя, братик-младенец,
 Пусть сядет ко мне на плечо.
 Мое успокоилось сердце,
 Я чувствую зримо тебя.
 Я верил,
 я верю в бессмертье,
 Обычаи прадедов чтя.
 Здесь души невинных нетленны,
 Здесь вечно ласкающий кров.
 За это, кедровник священный,
 Храним ты по воле богов.

На улице праздник и вербы, и снега,
 Глубинное небо искрится, цветет.
 А там,
 как ведется от первого века,
 Ломают дороги зимы
 ледоход.

Вновь дарит Всевышний Земле обновление.
 Он хочет, чтоб пели его соловьи,
 Чтоб в каждой душе родилось воскресенье
 Во имя добра
 и во имя любви.

Опять полыхают повсюду пожары,
 Никак не опомнятся люди Земли.
 Теряют надежду и малый, и старый,
 И ложью окутано поле вдали.

Мы вспашем его, поседев от тревоги,
 От непосильной своей маяты.
 На скромных могилах у шумной дороги
 Заполыхают живые цветы.

Мы чувствуем ваши веселые лица,
 Живите и радуйтесь, люди Земли.
 И пусть наше поле всегда колосится
 Во имя добра
 и во имя любви.

Искушенной звездой пролети,
Мое сердце, над миром безбрежным.
Все равно не уйти от тоски,
Все равно я не стану безгрешным.
Так качайте, качели, меня!
В синеву уносите тугую!
Я на склоне Пасхального дня
Упоенно Христа поцелую.
Поцелую я детство свое
И такую далекую веру.
И заплачу уже оттого,
Что теперь ни в кого так
не верю.

1959 rog

Сыну Ване

Утро звонкое.
Тропинка.
Вьется, кружит паутинка.
Посмотри,
хрустальный диск
Между ветками повис.
Миллионная росинка
Круг замкнула
и цветет.
Диск хрустальный,
Как пластинка,
И комар-солист поет.

Вот и утро настало,
 и... нет никого.
 Парус, данный судьбою,
 уже далеко.
 И кричи не кричи,
 и маши не маши,
 Не откликнется парус на голос души.

Что же делать?
 Ведь был он защитой моей
 От унылой тоски,
 от бесчестных людей.
 Как мне жить без него?!

 Почему он уплыл?
 Эх, в последние дни я о нем позабыл.
 Гулевал же.

 Нелепые эти пиры...
 Видно, парус устал от скандалов, хулы?
 Что же делать, душа?

 Не безмолствуй, прошу!..
 Я на поиски паруса в ночь ухожу.

Бездушный

Каким бы он денежным ни был,
 Он все-таки нищим живет:
 Не чувствует музыки неба,
 Не видит,

 как лебедь плывет.
 Он громко на людях хохочет.
 И жалко бывает его:
 Казаться раскованным хочет,
 Давно потеряв естество.
 Он из-за валюты и страха
 Обманет любого всегда.
 Не верю,

 что может он плакать.
 Вот дерево плачет. Да-да.

Не приходи сегодня, гений,
В наш мир жестокий и глухой.
Не приходи для унижений
С неукрощенной строкой.

Кругом вражда.

И гаснет вера,
И гаснет нравственности свет.
Мои уставшие деревья
В туманы кутает рассвет.

Случилось!

Люди, словно тени,
Умолкли в рощах соловьи.
О нет!

Спеши скорее, гений,
Для мук,
для правды,
для любви.

Памяти космонавтов
Добровольского, Волкова, Пацаева

Трубят над милым краем трубачи,
Перо у них прилажено к перу.
У вас, мои таежные ключи,
Я силы для полета наберу.

Над краем полечу я высоко —
Над радостями, бедами лесов.
Зеленый дождь для края своего
Я выпрошу у знойных облаков.

Я улечу в объятья бурь и звезд.
И, сбив крылом последнюю беду,
Я, поседевший от жестоких гроз,
На землю с гордой песней упаду.

Притихли деревни родные,
Осотом поля заросли.
Вчера табуны вороные
Печально в потемки ушли.

Мы выпили чашу страдания
В полях, на покосах, в лесах.
Счастливые наши желанья
Остались навек в небесах.

За что ты, судьба, наказала
Нас новой бедой и сумой?..
Деревни пришли на вокзалы,
Как будто пахнуло войной.

— Куда вы, ребята-сельчане?
Девчата, куда вы, куда?
— Товарищ, не знаем мы сами,
Куда нас умчат поезда.

Огневая осень,
Я твой друг и брат.
В облетевшей роще
Думами объят.
В далях неуютных
Жил мечтами я.
На дорогах трудных
Я искал себя.
В винах черпал радость,
Говорил: «Живу!..».
Ошибался, падал
Селезнем в траву.
Воскресал,

как в сказке

Мадур* во бору
От пожатья братских
И приветных рук.
Вдохновенный, снова
В дали уходил.
Радужное слово
В думах закалил.
И пожар осенний
С той поры в груди.
От самосожженья
Сердцу не уйти.

* Мадур (манс.) — богатырь.

Грустная девушка

Твой взгляд на дне реки потерян.
Скажи —

и я найду его.

Вдруг обретешь ты снова веру,
Вздохнешь улыбочиво, легко.

Твоя рука, как ветка ивы,
И обреченна, и гибка.
Она на глади сиротливо,
Как будто ищет облака.

Как будто пишет чье-то имя
На тихой утренней воде.
Бывает скорбь неумоима
В своих сомненьях в доброте.

На обнаженные колени
Струится золото волос.
А взгляд-то, боже! — от сирени.
Как долго ждать его пришлось!

Залетная

Ей 35. Она в расцвете.
Напропалую лжет и врет.
Зачем ей муж?

Зачем ей дети?
Лишь для себя одной живет.

У ней свой вид на зло и счастье,
На передраги бытия.
«Меня обманывали часто,
Теперь обманываю я».

Назначив на день пять свиданий,
На встречи эти не придет.
Она шестого в ресторане
Для удовольствия найдет.

Она вписалась в быт столицы,
Имеет деньги и уют.
Ее неверною девицей,
Ее залетною зовут.

И что ей надо, этой Любе,
Самой обманутой вчера?
Мужчины денежные любви,
Хмельные любви вечера.

Откуда это злое семя?
С какой пришла она межи?
Ее родило наше время,
Родил посев житейской лжи.

Отшумел случайный листопад
 Наших чувств,
 они, как листья, спят.
 И прижился
 в грусти наших глаз
 Зов зимы,
 как расставанья час.
 Вслух об этом мы не говорим,
 Смотрим в дали
 и, скорбя, молчим.

310

— Что такое зло?
 — Черный кит.
(Ответ ребенка)

Оно, как ястреб, зорко зрит.
 Как сплетня-блудница, летит.
 Оно по-заячьи бежит.
 Оно по-лисьи говорит.
 И, как шатун-медведь, кричит.
 И, словно сытый волк, молчит.
 Нет, друг мой,
 Зло не черный кит.
 Кит мирный в океане,
 А зло творим мы сами.

Сухие слезы

Мне за иных людей обидно —
Не замечают свой рассвет...
Сухие слезы.

Их не видно,
Но горше их на свете нет.

Глаза мои, как две ромашки,
Которые я застеклил.
Сухие слезы —

сердцу тяжко,
Я словно мир свой отлюбил.

Сухие слезы, это значит —
Душа обиженная плачет.

Белые образы

(стихи, рожденные в грозу)

Белым туманом дымятся
Белые капли росы.
Белые молнии снятся
После июльской грозы.

Белая вспышка сольется
С капелькой крови в душе.
И навсегда остается,
Стала твоею уже.

В пору лихого ненастья
Белый родился испуг.
Белые молнии снятся,
Белый вторгается звук.

Дума у силенного дерева

Запах свежеспиленного дерева,
Как ты душу растревожил мне!
Пахнет хвоей, горьковатой серою,
Каплями янтарными на пне.

Ветки, будто лапы глухариные,
Вписаны в брусничник навсегда.
Дерево, я с мудростью совиною
Для себя беру твои года.

Может, стану осторожным более,
Знаю —

я перед коварством слаб.
В странном мире за одним застолием
Пьют владыка и поэт, и раб.

В странном мире лицемера жалкого
Люди часто носят на руках...
Было схоже дерево с гадалкою:
Взгляд искал чего-то в небесах.

Я и сам гляжу туда с надеждою,
Брата жду из дали голубой.
Взглядами лаская тучи вешние,
Слышу вновь —

сюда идут с пилой.

Памяти поэта Валерия Чижова

Вижу четко лесную дорогу
И машину твою,
и твой взгляд.

Почему-то сегодня с тревогой
Молодые деревья глядят.
Ты забыл о крутых поворотах,
Ты забыл, что кругом гололед.
И тебя озорно, беззаботно
В предзакатные дали несет.
И слагаются строки певуче...
Вдруг по сердцу звенящий удар,
Словно рухнула темная туча,
Словно лопнул сверкающий шар.
И угасли веселые строки,
Что минуту назад родились...
Если есть вы, мудрейшие боги,
То верните ему снова жизнь!
Но тихи небеса.
Лишь зарница,
Полыхая, по небу прошла.
Там летает невидимой птицей
И твоя молодая душа.

О зависти

О зависть! — спутник человека,
Его нелепая черта,
Его бездумная утеха
И привнесенная беда.

Вот человек... тишайший, вроде,
Он не хапуга и не мот.
Но зависть в сердце колобродит,
Ему покоя не дает.

И пишет он тогда доносы,
Чтоб злое чувство утолить.
Людей невинных льются слезы,
Им стало горше в мире жить.

О эта зависть, зависть труса,
И карьериста, и ханжи!
Она с назойливостью гнуса
Кружит над радостью души...

Я с человеком благородным
Готов и петь, и хлеб растить.
Мы с ним без зависти свободно
Живем

и долго будем жить.

Гармония

*Петеру Домокошу,
венгерскому ученому*

Природа сегодня сама
Зовет —
В небе гуси заплакали.
Иду я смотреть терема,
Дворцы из оленьего ягеля.

Сторожко иду,
Будто зверь,
Ансамблем дворца розоватого.
Вдруг вырос в бору Гулливер,
Увидел я близко сохатого.

С расщепленным рогом-дуплом,
Из мира горячего, грубого
Пришел он —
Гармонии гром,
Явление чуда минутного.

...

Поэту дан бунтарский склад души.
 Душе дай, небо,
 красоту Вселенной.
 Но стал я часто говорить смиренно:
 Уйдем от бури,
 станем жить в тиши.

Душа порой, как узник, цепи рвет,
 И я тогда
 в ее высокой власти.
 О эти редкие минуты счастья,
 Когда со мной земля моя поет!

Погоня

*Другу детства
 Анатолию Петрушкину*

Нам с тобою, видать, не уйти от погони.
 Слышу стоны корней,
 бесшабашный намет.
 У соперника Тольки веселые кони,
 Да и сам он отчаянным парнем слывет.

Будто сердце одно нам с тобою досталось,
 Заглушает оно стук гремящих копыт.
 Ты ко мне, словно листик осенний,
 прижалась,
 А за нами соперник мой Толька
 летит.

Ах, кукушка так рано сегодня кукует!
 И так рано проснулся всезнающий бор.
 Если Толька догонит,
 тебя поцелует,
 И забыт я тобою —
 таков уговор.

Сколько страсти во мне!
 Сколько силы и воли!
 Это чувство погони,
 восторг от него.
 И пускай у соперника лучшие кони,
 Но куда ему до меня далеко...

Прислушиваюсь к сердцу своему,
К его тревогам за мои промашки.
А солнце светит,
Тянутся к нему
Мой зверобой, душичка и ромашки.

Прислушиваюсь к сердцу,
Нелегко
Ему со мной метельными ночами.
Советы неповторные его
Я забываю,
Я живу стихами.

Прислушиваюсь к сердцу.
И вино
Меня уже не радует, как прежде.
И жестами,
Как в том немом кино,
Со мною объясняется надежда.

Ах, сердце, сердце,
Вон и свет зари.
Мое прозренье позднее настало,
Я умоляю —
Ты не говори:
Прощай, мой друг,
Я жить с тобой устало.

Брату Владимиру

Ниспослан снег.
Огонь рябины
Мерцает, будто волчий глаз.
А на громадных кедрах — иней,
Пурги шаманский перепляс.
Как в былях при царе Горохе —
Изба в снегах,

она цветет.

Зайди, не бойся, друг, подвоха,
Тебя седой таяжник ждет.
Он бородат, медвежья сила,
Глаза вприщур —

от доброты...

В такой глуши живут, Россия,
Твои и тайны, и мечты.

Урок Весны

На гранях солнца — алые костры,
Весенний занимается рассвет.
От каждой ало-трепетной искры
Подснежники рождаются на свет.
Рождаются и страсти, и стихи,
Деревья обнимаются и мы,
Не жалко оставлять свои грехи
На крыльях улетающей Зимы.
Весна дает великий свой урок.
Но все ли понимаем мы ее?
Когда выходим с ложью за порог,
Зло остается сторожить жилье.

Йодисто-рыжи
Апрельские шишки у ели.
Качается солнце
Забавной ромашкой над ней.
Глухарь на вершине.
Он смотрит на галечник мели,
Там четкий рисунок —
Следы великанов лосей.

Признание россиянина

(шутка)

*Хорошо иностранцу —
он и дома иностранец...*

Салтыков-Щедрин

— Слушай, гость-американец,
Мучаюсь вопросом я:
Ты и дома иностранец,
Вот что дивно для меня.
По-японски шпаришь бойко
На Бродвее, в офисе.
По-российски пьешь у стойки.
«Иностранец!» — скажут все.
Ради бизнеса, наживы
Ты планету обскакал.
Эх, разок тебя крапивой
Я б от сердца отстегал!
Ты б отличным парнем стал.
Что хохочешь, иностранец,
Ты не в парке при луне?
— От души признаюсь, Ваня,
За тебя неловко мне.
Да, конечно, я не в парке,
Где полно забав и драк.
Я у жизни — парень яркий.
Ну, а ты, где кавардак,
Ищешь Истину, чудак.
— Если я такой уж странный,
Разгадай меня, пойми.
Я давно, американец,

Про твои наслышан дни.
Ты у нас теперь, как дома,
День и ночь деньги гребешь.
При реформах непристойных
Припеваючи живешь.
Сколь ни думаю-гадаю,
Не равны мы по судьбе.
Жизнь вольготную познаю —
Буду подражать тебе.
Шиковать с размахом стану.
Как смекаешь, говори?
И сказал американец:
— Это скверно. Не дури.
Ничего не выйдет, Ваня.
Эта доля не твоя.
Я и дома — иностранец,
Потому богатый я.

К другу

Кому ты нужен, друг-мыслитель,
В миру все меньше добрых слов.
Ты как инопланетный житель
В среде ханжей и хитрецов.

Ты увлеченно смотришь в дали,
Ты, верно, ждешь какой-то зов.
И белый парус у причала
Тебя уже принять готов.

Твою бы разделить мне долю!
Но я ступил за ту черту,
Где нет беспечности и воли,
Где чаще смотрят в высоту.

Прощай!

Ищи покой в просторах,
Своей романтикой храним.
Я для высот людского горя
Сейчас, мой друг, необходим.

Языческие лиственницы

Семь грозных лиственниц от Бога
Для послушания людей,
И для таинственной дороги,
Бегущей в марево ветвей.

Они — седые стражи дома,
Угрюмых идолов хвала.
Родная бабушка Матрена
Мне веру в небеса дала.

И я от радости смеялся,
Когда Илья-пророк весной
По небу с грохотом катался
На колеснице огневой.

А утром, в тихий час рассвета,
Спешила бабушка в амбар,
Священным духам леса, лета
Несла повинно щедрый дар.

Видать, давно амбар шайтанский
Кошунство бабушке простил,
Ведь громовержец христианский
Незримо с нею приходил.

Две веры бабушка имела,
И в каждой — свой ручей живой:
Амбар давал ей сил в метели,
И благо нес Пророк весной.

И я у лиственниц священных
Две веры для души обрел.
И получил благословенье
Оттуда,
 где парит орел.

Зеркальный лось

Под радугой сосновый бор
И первозданный, и ветвистый.
Пройдя таежный коридор,
Лось вышел к речке серебристой.
Минуты три тому назад
Здесь буря пела и гремела.
И был сохатый ливню рад,
И шел под молниями смело.
У водопоя лось стоит,
И белым кажется из бора.
Лось ослепительно блестит,
Сейчас он — зеркало простора.
Сохатый это знает сам.
Сквозит голубоватый ягель.
А по распахнутым ушам
Бегут на землю нити капель.

Верстовые столбы

Мне трудно, горизонт далек.
 Но с каждым шагом больше силы.
 Немые спутники дорог,
 Скажите, что вы затаили?
 Ведь люди много говорят
 В уме тайком,
 Забыться чтобы...
 На вас лежит любимой взгляд
 И чья-то грусть, и чья-то злоба.
 У вас и силу, и покой
 Таежная отыщет птица,
 На вас осеннею порой
 Садятся журавли проститься...
 Я молчаливый ваш рассказ
 В себе, как в зеркале, читаю.
 И озаренье грустных глаз
 Я вам на память оставляю.

О звериная зоркость и чуткость моя!
 Через эти леса и завалы веков
 Вижу злую погоню —
 Ночь ножа и костров.

Я тушу свой костер,
 Страх сильнее огня.
 Сотни бубнов рыдают в долине лесной,
 Орды гуннов охотятся нынче за мной.

Мне бы шукой проворной в протоку уйти,
 Но не хочет того мой безжалостный сон,
 Буду, видно, раздавлен храпящим конем.

Вдруг, как молния, мысль озарила меня:
 Я же родич пришельцам,
 Когда-то давно
 Были с гуннами предки мои заодно.

— Пася олэн!* — кричу я навстречу орде.
 Будто гром загремел над долиной: «На Рим
 Мы с тобою кровавый поход повторим!».

Всюду злобные лица и пьяный оскал.
 Хмеля полную чашу неловко беру.
 Я о клятве о мирной забыл на пиру.
 И назавтра с жестокой и дикой ордой
 Я в чужие края полетел на разбой...

Сон, как снежное кружево, стаял, утих.
 Но о нем написал я для памяти стих.
 Где-то эхо живет дикой той старины.
 Ну, а мне по душе —
 только мирные дни.

* Пася олэн (манс.) — здравствуй.

Такая судьба

Материться умел Коромыслов этажно.
 Утешенье от горя искал он, чудаки.
 Был слепой и хромой,
 Да еще бесшабашный,
 Под ветрами былинки качается так.
 Он совсем одинок.
 Знают люди — близ Орши
 Был под танком чужим.
 Чудом выдюжить смог...
 Он калека.
 Но нету известия горше:
 «Федор, Галя ушла от тебя...
 Чтоб он сдох,
 Прощельга матерый, залетная птица,
 Соблазнивший Галину
 во льготным житьем...» —

Так писал ему друг.
 В ту же ночь ему снится —
 Он, здоровый, веселый, с Галиной вдвоем.
 Рвал бинты он с груди в это утро свирепо,
 Слышал госпиталь крик:
 «Да за что меня так?!».
 Коромыслов вернулся в деревню нелепым:
 И слепой, и хромой, молодой холостяк.
 Не поддался он горю,
 двуличный, упрямый,
 Ремонтировал дом свой на ощупь, чутьем.
 Помогал ему друг,
 Сам хрипящий от раны,
 Коромыслов ему говорил о своем:

«Ты оставь меня, Клим.
Мне теперича надо
Одному приспособиться к жизни своей.
Если выдюжу я,
Вот и будет награда
Всех главнее наград,
И сильнее смертей».

...

Снимая казенную маску,
Житейской боясь новизны,
Уходят на отдых,
 как в сказку,
Высокие наши чины.

Поверив в бессмертие чина,
А значит, персоны своей,
Они, как послушного сына,
Послушных лепили людей.

И сами послушными были
Пред теми,
 кто выше стоит.
О днях милосердных забыли.
Но память на старости мстит.

И вот на ухоженной даче
Один из таких стариков
Проснулся под утро от плача,
Проснулся от горестных снов:

Стоит у могилы дорожной,
Пустые родные поля,
Приснились ему, как нарочно,
Забывшие в бедах друзья.

Он сел.
 Тишина роковая.
Она, как судья, для него.

И капля скупая святая
Упала в ладошку его.

И боль —

словно в сердце заноза,
И ты, человек, не дыши.
И понял —

да это же слезы
Его покаянной души.

Седой простор

*Венгерскому гругу
Керести Ференцу*

Случилось это утром рано.
Вдруг всадник выплыл из тумана
На мой искристый костерок
На перепутье двух дорог.
— Юнапат*, — всадник произнес.
Пахнуло ветром дальних гроз.
Я слышу звон и гром мечей
И крики воинов-князей...
О Хортобадь! — седой простор,
Романтики бескрайний дол.
В седых кудрях, печально-строг,
Глядел мой всадник на восток.
Туда туман и тучи шли,
И взволновались две души.
Там Русь в беде, подумал я,
И боль, и гнев в душе тая.
Мадьяр, как видно, ждал зарю,
Он чувствовал печаль мою.
Раздался в небе легкий гул,
И алый луч вдали блеснул.
— Будь счастлив, брат! — и всадник мой
Поднял коня, махнув рукой.
О Хортобадь! — седой простор,
Романтики бескрайний дол.
Желанный гость с реки Оби,
Недолго буду я в степи.
Мой всадник словно знак мне дал —
На звон мечей он ускакал.

В той стороне, где дом родной,
 Шар поднимался огневой.
 А тучи — роковая связь —
 На солнце валом шли, клубясь.
 В них злые конники видны:
 Разъяты рты, глаза красны...
 Да это войско Сатаны!
 О Господи, скорей домой!
 В стране идет неравный бой.
 Тушу походный свой костер.
 Прощай, степной седой простор!

1991 год

* Юнапат (венг.) — добрый день,
 здравствуй.

Письмо в Сибирь

Андрей, ты, который сидишь в заснеженной деревянной избушке далекого северного города и пишешь или созерцаешь, а кружевной блеск манит тебя сквозь ледяные узоры на окне твоём по снежному пути, — видишь ли из золотисто-узорчатого своего окна странников пустынь, воюющих под снежной вьюгой, которые ищут свое прошлое и будущее в недостижимых даях и падают перед чужим порогом, когда все их надежды тают?..

Друг наш, поэт, кого я давно не видела: ты, певец тихих песен, настоящий европеец и азиат, с маленькими, прищуренными вогульскими глазами, родившийся в таежном поселке для благоговейных ночей, для звенящих волшебных утр, ты, убежавший от пламени костра, когда жизнь была в дыму, когда улетели и птицы, — остались там только обугленные ветки деревьев, как идола, осталась только хижина жрецов-волшебников из сказочного мира твоего детства — сейчас, когда ветры разнесли и ее стены, как носишь на хрупких своих плечах уцелевший миг древней мечты, доверие, унижение, воспоминание, надежду, волю, которые крепят тяжесть тысячелетий?..

Приходилось ли тебе видеть с тех пор масляно-коричневые воды Оби там, где она сливается с золотисто-сияющим Иртышом?

Была ночь, я стояла на корабле рядом с тобой, и мы чуть слышно пели, а убегающие бе-

рега вздыхали так, как отшумевшая жизнь, как невозвратно улетевший миг, пусть даже самый красивый, который должен бы быть вечным...

Кто проходит над нефтяными морями и чувствует своими ступнями и сердцем своим пульс нефтяных жил этой строгой земли?

Кто тот, который достает сокровища из-под корней деревьев в тайге, чтобы дни стали светлее, чтобы спасти людей от холода, спасти народы от обреченности, чтобы они стали смелее перед своим родом?

Андрей! Человек, улыбающийся в бурях, в поединке огня и льда, — кроток и мудр. Ты никогда не покидал свой народ, очищенный болью. Придешь ли ты когда-нибудь к нам в птичий рай, принесешь ли нам мечтающие в снегах леса, мерзнувшие на холоде бледно-кудрявые узоры, веселые болотные ягоды, прекрасную повесть о возобновившейся человеческой жизни?!

Безде Анна

Письмо в Венгрию

Безде Анне, венгерскому поэту

И прочел я письмо твое, Анна,
Не письмо —

я поэму прочел.

И, как прежде на тропах урмана,
Для борения силы обрел.

Знаки рода сегодня открою,
Род идет от седых журавлей*.
Потому перелетной порою
Славят птицы моих сыновей.

Я прошу тебя, Анна, в просторы,
Где мой предок, суровый Тархан**,
С небесами имел разговоры,
Посвящал свои думы борам.

Я зову тебя, Анна, в кедровник,
Здесь родился под кронами я.
И несла меня мать на ладонях,
И баюкали ветры меня.

Я веду тебя, Анна-мадьярка,
Позабытой дорогой веду.
Вон у той у березовой арки
Повстречал я однажды беду.

Чтоб всегда я имел послушанье, —
Я запреты нарушить посмел, —
Прямо в сердце мое, в наказание,
Некто хмуρο навел самотрел.

Две стрелы пролетели лихие,
Видно, Торум*** отвел от груди...

Окликают нас птицы седые,
Мы на их повстречались пути.

* Стерх — по легенде седой журавль.
Поседел от жестокости людей
(прим. автора).

** Тархан — мансийский князь, предводитель рода Седых журавлей.

*** Торум (манс.) — бог.

Земляничная поляна

Парны июльские дожди,
И в каждой капле — семицветье.
Мой друг любимый, приходи
К поляне земляничной лета.
Здесь у поляны есть ручей,
Звенит водой зеленоватой.
Пьет воду в сумраке ветвей
Барсук пугливый седоватый.
Порою радуга-дуга
Тут жажду страстно утоляет,
И загорается вода,
Как будто луговина в мае,
Когда весенний пал летит
В горячем розовом тумане...
Оранжевый дымок парит
Над земляничною поляной.
В твоих глазах смешной испут —
Случайно лес не загорится?
В мгновенья эти, милый друг,
Лес, как ребенок, веселится.

Знойный день

От зноя бор сосновый порыжел,
 На дереве свалила рысь дремота.
 И даже гриб под елочкой вспотел —
 На красной шляпке
 семь крупинок пота.

И коршун в небе —
 как прибит гвоздем —
 Лучом всеусыпляющего зноя.
 Не справиться ему лишь с муравьем,
 И в зной
 не знает муравей покоя.

Ночь говорила голосом ручья,
 Звезды и камня, и дороги.
 Был полон чувств необъяснимых я,
 Как эти гулкие отроги.

Ручей серебряно сиял
 И, как влюбленный Квазимодо,
 То восторгался,
 то рыдал
 Возле утеса, возле грота.

Я тайну ночи разгадать хотел,
 Окликнутый звездой весенней.
 Наверно, я сегодня поседел,
 Зато познал небес волненье.

А при луне,
 как при свече,
И словно ты причастен к тайне.
Ни звука в мудром кедраче,
Лишь веток слышится дыханье.
И на душе теплым-тепло.
Будь Лермонтов сейчас-у лога,
Воскликнул бы он вновь светло:
«И в небесах я вижу Бога».

К благоразумию людей
Взывать —
 тяжелая затея.
Конечно, в честь Пасхальных дней
Они становятся добрее.
Но безалаберности ржа
Возьмет свое, уж это точно.
Без вдохновения душа,
Увы, с рождения порочна.
Ее берет в полон тоска.
Но в мире есть от Божьей муки
Стихов чарующих строка
И музыки мятежной звуки.
Они — спасение души.
Они в изломный час помогут.
Тогда творить и жить спеши
В честь милосердия и Бога.

*В человеке бездна жизненности...**Ф. Достоевский*

Бездна жизненности во мне.
 Словно воля бесстрашных людей
 И горенье цветов на стерне
 В плоть вошли мою, в песне моей.
 И тоска в моем сердце живет.
 Просыпаясь порою, она,
 Как налетчик, за горло берет,
 И... темнеет в глазах вышина.
 Я готов на колени упасть,
 В этот миг послушанье тая.
 Но души непонятная власть
 Останавливает меня.
 Торопливо за двери ведет
 В мир боренья,
 навстречу весне.
 Ах, как верба пушисто цветет!
 След Армстронга цветет на Луне.

Рябиновый пир

На пир рябиновый спешите, сойки,
 Опять леса рубиново горят.
 И песню осени прощально спойте
 На пне багряном посреди опять.
 Спешите же скорей,
 Пока мерцают,
 Как угольки костра, плоды рябин,
 Пока на скрипках иволги играют...
 А кто-то по тропе идет один.
 Наверно, я.
 Кому же быть другому.
 Прощанье чую, вот и в лес спешу.
 Я приобщаюсь к празднику лесному,
 Огня рябины я у птиц прошу.
 И пир горой.
 И хочется с улыбкой
 Обнять рябину и сказать: споем...
 Бей, дятел, в барабан!
 Плачь, иволга, как скрипка!
 На пир рябиновый мы всех зовем.

На последнем берегу

поэма

*Первая глава***БАРАК**

Я сегодня подобен бродяге,
 Я живу в полустылом бараке.
 Он стоит на отшибе.
 Он стоит, как беда,
 На суровом обрыве,
 Где снега-холода.
 Одинокий и жалкий,
 Как обиженный пес.
 Трубы — черные палки
 К небу зябко вознес.
 После тихой работы
 Возвращаюсь сюда,
 Где ютятся заботы,
 Где одна маята.
 Я иду беспокойно,
 Озираясь кругом,
 Будто я под конвоем,
 Будто я под штыком.
 Мне улыбка любая
 В этот миг —
 как звезда,
 Как надежда живая
 На иные года.
 Поклонились ворота —
 Заходи, мол, чужак.
 Заходить неохота
 В позабытый барак.
 Постояю.

На прощанье
 На березы взгляну,
 И вступаю, печальный,
 Я в иную страну.

*Вторая глава***ОБРЕЧЕННЫЕ**

В бараке Ленина читают,
 Надеясь отыскать ответ:
 «Пошто нас власти забывают?
 Пошто в бараке умирают
 В объятых нищеты и бед?...».
 — Откуда ты, мансийка Матра?
 — Я с берегов реки Конды.
 Там ягель белый, словно вата,
 Озера, как глаза у марта,
 Синее в мире нет воды.
 И луговину ясно помню,
 Была я зрячей, озорной.
 У нас в Конде в почете кони,
 Отец мой, багодушный Тони,
 Меня в ночное брал порой...
 — А где глаза — две голубики?
 — Они, как перстенок с руки,
 Упали в солнечные блики,
 Когда сынков родимых лики
 Мне показало дно реки.
 Ой, больно вспомнить!
 На рыбалку
 Поехали мои сынки.

Конечно, мне их было жалко,
 Но я сама была, как палка,
 От голодухи и тоски.
 И, как на грех, шальная туча
 И град, и ветер принесла...
 Сынков нашли в воде под кручей.
 Я от напасти этой жгучей
 Ослепла, сникла и слегла.
 И руки были молодыми:
 В любви — нежны,

в труде — сильны,
 А стали черными, чужими,
 Как наст февральский, ледяными.
 Порой теплеют в дни весны.
 Да и в ногах уже нет силы,
 И потому,

что босиком
 В леса по ягоды ходила,
 В студеной речке щук ловила,
 Белила ноги я снежком...
 — А ты, Тимпей, откуда родом?
 — Из Аманьи¹, из кедрачей.
 Мы жили радостно в артели,
 Коров, коней своих имели,
 И промышляли соболей.
 То были сталинские годы.
 Мы пели песни у костров.
 А что в стране происходило,
 Сынок, нам неизвестно было
 Под крыльями своих богов.
 Потом — война лихая с финном.
 Он тоже лыжник — будь здоров!
 Враг и находчивый, и сильный.

Но сибиряк — мужик двужильный,
 Стерпели мы свинец и кровь...
 И только стали подниматься —
 Опять война, о боже мой!
 Пришлось с фашистом

миром драться,
 И стать седыми в восемнадцать,
 Мы выдержали смертный бой.
 Вернулись чудо-человеки,
 Кто без ноги,

кто без руки.
 Они для армии калеки,
 А для лесов своих навеки —
 И работяги, и стрелки.
 Об орденах они молчали.
 Им было стыдно жен своих:
 Они в тылу вдвойне страдали —
 Ловили рыбу,

зябь пахали,
 Детей у смерти отнимали,
 Но... нету орденов для них, —
 Тимпей вздохнул. —
 Вот умер Сталин.
 Рыдали всюду стар и мал.
 Иные времена настали,
 Хрущева в небо поднимали.
 Мы веру в чудо потеряли,
 День отчужденности настал.
 Однако русло нашей речи
 Я направляю на артель.
 — Коль ты с мечом,

то поле сечи
 Твои сомнения излечит, —

Тимпей с улыбкой произнес. —
 Артель давно вошла в колхоз.
 Чего не жить у нас в селеньи?!
 Рыбалка рядом, дичь кругом.
 Вдруг по-верховному веленью
 Пошло сплошное укрупненье
 Колхозов.

Наступил содом.
 Нам дали десять дней на сборы.
 Рыдали родичи мои.
 В деревне не стихали споры,
 Мол, это приведет к разору
 Лесов кедровых и земли.
 Нас поселили недалеко,
 За тридцать верст, подать рукой
 До материнского порога.
 Мы помнили свою дорогу,
 Определенную Судьбой.
 Мы часто в Аманье бывали.
 Могилы дедов и отцов
 Оберегали.
 Вспоминали,
 Как шишки миром собирали,
 Морошку, голубицу брали,
 Как берегли речных бобров...
 Двенадцать лет во тьму
 уплыло.
 Мы, горемыки-старики,
 Вернуться в Аманью решили,
 Чтоб умирать нам легче было
 На берегах родной реки.
 А с нами и старухи наши,

И кое-кто из молодых,
 Как благодетели и стражи,
 Они для времени отважны.
 И как мы жили бы без них?!
 Начальство нас не отпускало,
 Но мы стояли на своем.
 Мы хвойным бором шли устало,
 Минуты долгожданной ждали —
 Увидеть поле, первый дом.
 И вдруг в лицо пахнуло гарью.
 О Торум² наш, какой разор!
 Дома везде смело пожаром,
 Так выжигает травы палом,
 И рыжим стал кедровый бор.
 Стояли долго потрясенно.
 Потом держали мы совет:
 Нам возвращаться нет резона,
 Пусть погорельцы,

но мы — дома
 И не допустим впредь погрома.
 Мы бодро встретили рассвет.
 Барак мы выстроили споро
 Как утешенье на веку,
 Чтоб рядом быть в нужде и споре,
 И при душевном разговоре.
 Мы — на последнем берегу.
 Ты знаешь сам:

в кондинском крае
 Не стало больше сорока
 Селений наших.
 Словно стаи,
 Умчались в перелетном мае

В предел небесный навека.
Сынок, отсюда уезжай,
Ты осмотри наш древний край.

Третья глава

УМЕРШИЕ ДЕРЕВНИ

В Семенов бор ведет дорога.
Но где же он? — в груди тревога.
Стояли сосны тут стеною,
Я кроны в памяти храню.
Но словно здесь Мамай с ордою
Прошел и предал все огню.
Сосенок тридцать пять, не боле,
Да кучи сучьев и гнилья.
Нельзя смотреть на это поле
Без возмущения и боли.
Да где ж хозяин и судья?!
Прощай, Семенов бор священный!
Я опускаюсь на колени.
Дорога заросла травкою.
Я в Карагаево³ иду.
И память детства за собою —
Коня послушного веду.
Деревня на бугре зеленом,
Песчаный берег и река.
А за деревнею, за полем —
Леса, леса, а там — луга.
О щедрый край!
Зверей и дичи
Полно под крышами хвой.
Но все равно мы будем нищи,

Коль нету в памяти любви.
Мне восемнадцать ровно было,
На Пасху верба распцвела,
Обломки троп на льдинах плыли,
Ты на качели позвала.
И было робкое пожатье
Твоей застенчивой руки.
Нам вслед смотрели твои братья,
Смотрели словно чужаки.
Ах вы, певучие качели!
Кружится сладко голова.
Мы ввысь отчаянно взлетели,
И позабылись все слова.
Кто в жизни с ветром обнимался
И синевы рукой касался —
Вовек раскаянья не знал!
Не страшно с неба опускаться,
Но страшно в небо подниматься —
Я это в детстве испытал.
Пускай глядят с прищуром братья,
Нам не о чем с тобой жалеть.
Твое березовое платье
С тебя хотело улететь.
Ты мне любовь свою дарила
На высоте, на высоте.
Ты словно с небом говорила
О красоте, о красоте.
И, опьянев от солнца, ветра,
Ушли мы тайно в храм лесной.
И у задумчивого кедра
Поцеловались мы с тобой...
Но рвется нить воспоминаний:

Места родные я узнал —
Обрыв, над ним старушка-баня,
И берег,

где я парус ждал.
Он появлялся на Тумане⁴
С зарей, в оранжевом огне...
Мечты я воскрешать не стану,
Спешу в деревню по стерне.
Без окон избы, и крапива,
Она хозяйствует давно.
Стоят березки сиротливо,
Где было от лесов темно.
Отсюда плыть рекой желаю,
Как в старину, на обласке.
Увижу больше и узнаю,
А вон и Тап⁵ невдалеке.
У берега идол — обугленный раб.
— Кого стережешь ты, покинутый Тап?
И черные губы разжались, скрипя:
— Себя охраняю, и только себя.
Смешно в наше время кого-то беречь.
Не видишь войны наступающей меч?
О глупые люди!
Ни дня без войны.
Себя уничтожить вы скоро должны.
И губы сомкнулись. Истерзанный раб
Смотрел, как хозяин, на вымерший Тап.
С печальными тенями что говорить!
Живым полагается яростно жить.
Я в Терез⁶ приехал,
о круга молчит.
В осоке баркас одинокий лежит.

И где следопыты? И где рыбаки?
О том не расскажут стрижи, кулики.
У Белого Яра⁷ всегда хорошо.
Черемухи много, вольготно, свежо.
А глина обрыва — белей молока.
«Ой, снегу-то!» — крикнешь ты издалека.
И плавают селезни за тальником.
Чего бы не жить здесь?!

Но пусто кругом.
Я Рахтину⁸ ночью увидел. Кресты
Чернели при свете луны у воды.
Тут берег притопленный, водоворот.
Прощайте! Печальный, плыву я вперед.
Заря запылала, открыв Панкутал⁹.
Он рокотом бубна обычно встречал.
И прыгали маски, подарки неся,
У духов таежных удачи прося.
И в ножнах нарядных качались ножи...
А нынче, похоже, и здесь ни души.
О радость! — ко мне кто-то важно идет,
И бубен, как хлеба буханку, несет.
Да это же дедушка Ивыр!
— Постой! —
Кричит он и машет мне дряхлой рукой.
— Пася олын, атя!¹⁰
— Пася, пася, пыгрись!¹¹
Возьми этот бубен на память, сынок,
Храни как осколок мансийских дорог.
Шаману Катуне он принадлежал.
Меня перед смертью Катуня позвал.
Его схоронил
и остаться решил.

В Шаиме¹² озерном до этого жил.
Шаим, как и Ленгурья¹³, тоже погас.
Послушай о нем
мой прощальный рассказ!

Четвертая глава СКАЗАНИЕ О ШАИМЕ

Шаим, как раненая птица,
Он прячет голову в крыло.
Шаим у озера ютится —
Когда-то громкое село.
Здесь сосны небо подпирали,
Здесь рыбу черпали ведром.
Отсюда девок в жены брали,
Чтоб этим хвастаться потом.
Когда геологи впервые
Сюда уверенно пришли,
Они, бездомные, лихие,
Нам много водки привезли.
И нефть нашли.

«Ура!» — кричали.
А в час закатный у реки
В туманные смотрели дали
С печальной думой рыбаки.
И следопыты горевали:
Ушел далеко соболек.
Свою деревню покидали —
Развилку шумную дорог.
Невмочь и мне в Шаиме стало.
А рядом,
будоража край,

Гремели буровые сталью,
Рос город нефтяной — Урай...
Шаим, сынок, мне часто снится,
Рыбацкий парус и весло.
Шаим, как раненая птица,
Он спрятал голову в крыло.
1970–1990 гг.

¹ Аманья — мансийская деревня. В дословном переводе — маленькая речка.

² Торум — бог.

³ Карагаево — мансийская деревня.

⁴ Туман — название озера.

⁵ Тап — мансийская деревня.

⁶ Терез — мансийская деревня.

⁷ Белый Яр — мансийская деревня.

⁸ Рахтина — мансийская деревня.

⁹ Панкутал — мансийская деревня.

¹⁰ Пася олын, апя (манс.) — здравствуй, отец.

¹¹ Пася, пася, пыгрись (манс.) — здравствуй, здравствуй, сынок.

¹² Шаим — мансийское селенье.

¹³ Ленгурья — мансийское селенье.

Содержание

Константин Яковлев. Праздник лирики. 5

Белая симфония

«Как зелена сегодня луговина!..»	10
«Угасает закат...»	11
Песня детства	12
«Ночь бессонная, ни звезды...»	13
Сумерки марта	15
«Десантниками стали облака...»	16
«Идут по дороге обозы...»	17
В полете	18
«А женщина и март нерасторжимы...»	19
«Лиственница утром ранним...»	20
«Ковш Медведицы черпает тьму...»	21
«Спешите говорить «люблю»...»	22
К Неве	23
«Чащобный запах кружит подо мною...»	24
«Время, время, мой враг неподкупный...»	25
«Я бываю порою совсем одиноким...»	26
Мелодия снегопада	27
Древо беспокойства	28
«Ты легко роняешь звуки...»	29
«Разве сторонкой, Галина...»	30
Гимн березовому соку	31
«Ветер в сторону Вечности дует...»	32
«Прохлада цветущего лога...»	33
«Стоязыкий, люди, я...»	34
Золотой падун	35
«Мы все одиноки по-своему...»	36
«Ты в зеркало смотришься часто...»	37
Исповедь маньщика	38
Тишина	39
Грозное утро	40
Грустные кони	41
Черный ворон	43
И продолжается полет	44
Парящий купол	45
«В предгрозовом тумане вижу...»	46

Божественная поляна	47
Ночная дорога	48
К тебе	49
Прощай, моя шальная жизнь	50
Соболиная страна	51
Ночной сохруп	52
«Шалаш еловый и свобода...»	54
Белая симфония	55
Да будет день	56
«Соловей поет...»	58
«Вокруг пахучий сумрак снега...»	59
Осеннее утро	60
«В том порту вечереет, и травы...»	61
«Я клятву дал тебе, о море...»	62
На вершине	63
Бригантина	64
Горизонт	65
Березы в Ялте	66
«Уходи скорей, вражда...»	67
Признание следопыта	68
«В кедровой хвое постоянно...»	70
Березонька	71
Мой октябрь	72
«Сосны расцвечены бликами...»	73
Звуки	74
«Моя строка... она, как странник...»	75
Осенний вальс	76
«Белый клевер, белый клевер...»	77

На Ай-Пиме

Богиня Юча	80
«Слушай утром, человек...»	82
«Плечо к плечу сомкнулись кедры...»	83
«Ай-Пим во льдах ярится в марте...»	84
Гнев Ай-Пима	85
Майский орган	86
Комариная тайга	87
Приключения сибирского комара	88
Монолог комара	90
Поневоле квартирант	91
Саранпаульский этюд	93

Плач неба

Поэт	96
«Гроза из дальних-дальних странствий...»	97
Сомнения Весны	98
Ответ таежника	99
«Красный шепот рябины...»	100
«Первый снег, конечно, благо...»	101
Мольба к Богу	102
«Иву ягельного цвета...»	103
Священная березка	104
Ода бруснике	106
В Леушах	107
Снежный танец	108
О любви	109
«Опять я в плену у туманов...»	111
Озарение во Храме	112
До востребования, папе	114
В Ачимово	116
«В Ханты-Мансийске есть заимка...»	117
Признание поэта	118
«От снега пряного черемух...»	119
Предзорье	120
К военному летчику	121
Пасхальная ночь	122
Плач неба	123
«Пророки есть...»	125
«Ради новых сомнений живу...»	126
«Пылает купол златоглавый...»	127
«Бывает так воздуха мало...»	128
О странностях людских	129
«В войну морозы были лютыми...»	130
«Сегодня ты, как луч, тиха...»	131
«В душе воскрес родник страданья...»	132
К новорожденному	133
Лесное кладбище	134
Костер памяти	135
Мелодия бабьего лета	137
«Перед собою прав...»	138
К тебе, столица	139
«Золоченные репы собора...»	140
С думой о Сербии	141

Танцует Капья	142
В диком бору	143
Улетают скворцы	144
«Смеется над нами дитя...»	145
В октябре	146
Забывтый щенок	147
«Базар всегда его смущает...»	148
«Неужели с тобою расстанемся...»	149
«Я славию раковины пенье...»	150
Сон	151
«Лиловы лики скифов грозных...»	152
«Когда позыв звезды небесной...»	154
«Я в цветы осенние прилег...»	155
«Как вольно сердцу в роще дикой...»	156
«В Урае подросток-сосенка...»	157
«Да, граница не избе...»	158
Явление Нерона	159
Грядет	160
«Сосновый бор до стога раскален...»	161
«Деянья наши в траурной кайме...»	162
Весеннее прозрение	163

Языческие лиственницы

«Где же подлости мера, скажите...»	166
Праздник Грома	167
В метро	168
«Я помню тот вечер застольный...»	169
«К звезде одинокой смятенно...»	171
«Ты смеешься и ходишь легко...»	172
Семейные времена года	173
Февраль	174
Ночь георгина	175
В звездный час	176
Лиственница Меншикова	177
Купола Тобольска	178
Рерих	179
Ночь священного медведя	180
Сосновая поляна	182
«Живи для воли неба и лесов...»	183
«Я нынче бездумный затворник...»	184
«Небесной манны, видно, ждешь...»	185
«Бобренек, брат с головкой снежной...»	186

Виртум	187
Диалог	188
Вчерашний раб	189
Одиноким поручик	190
Снова про Чапая	192
«Я привыкла к измене...»	193
Сотворение женщины	195
Идол-пришелец	197
Завет	198
Монолог охотника	199
«Не говорю тебе: люблю...»	200
«Как пруд, тиха ее душа...»	201
«Притворство женщин не от страха...»	202
«Опять развод...»	203
Молчание	204
Клятва	205
«Я грусть несу, как яблоко раздора...»	206
К незнакомке	207
«Кони фыркают, ни с места...»	209
«Я знаю тот последний час...»	212
Лосиха	213
Седая река	214
«Над Ендырской протокой моросит...»	215
«От медной тучи — импульсы беды...»	216
«Молчат поэты, и молчит народ...»	217
Спешите, стихи	218
Вечный бой	219
«В глазах Твоих черных...»	221
Лишний	222
«А рифма мне неинтересна...»	223
Озеро Веселое	224
«Здравствуй, лес — мой врачеватель...»	225
Маки Крыма	226
«Корни стиха моего...»	227
«Угасли июльские ветры...»	228
«На улице праздник вербы и снега...»	229
Пасхальный день	230
После ночного дождя	231
«Вот и утро настало...»	232
Бездушный	233
«Не приходи сегодня, гений...»	234
«Трубят над милым краем трубаачи...»	235

«Притихли деревни родные...»	236
«Огневая осень...»	237
Грустная девушка	238
Залетная	239
«Отшумел случайный листопад...»	240
Зло	241
Сухие слезы	242
Белые образы	243
Дума у спящего дерева	244
Памяти поэта Валерия Чижова	245
О зависти	246
Гармония	247
«Поэту дан бунтарский склад души...»	248
Погоня	249
Исповедь человека, лишённого детства	251
«Прислушиваюсь к сердцу своему...»	252
«Ниспослан снег...»	253
Урок Весны	254
«Иодисто-рыжи...»	255
Признание россиянина	256
Утро Достоевского	258
К другу	260
Языческие лиственницы	261
Зеркальный лось	263
Верстовые столбы	264
«О звериная зоркость и чуткость моя...»	265
Такая судьба	267
«Снимаю казенную маску...»	269
Седой простор	271
Письмо в Сибирь	273
Письмо в Венгрию	274
Земляничная поляна	277
Знойный день	278
«Ночь говорила голосом ручья...»	279
«А при луне, как при свече...»	280
«К благоразумию людей...»	281
«Бездна жизненности во мне...»	282
Рябиновый пир	283

На последнем берегу

На последнем берегу. Поэма	285
----------------------------------	-----

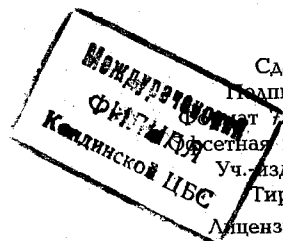
Андрей Семенович ТАРХАНОВ

ПЛАЧ НЕБА
Книга стихотворений

Художественный редактор В.Дыба.
Технический редактор Ю. Мандрика.
Корректор М. Кремлева.

Книга издана по заказу
комитета по средствам массовой информации
и полиграфии администрации
Ханты-Мансийского автономного округа.

- 34475 - 1

Сдано в набор 06.02.96 г.
Подписано в печать 12.03.96 г.
Лит. № 5х90/32. Гарнитура «Балтика».
Офсетная печать. Бумага офсетная ВХИ.
Уч.-изд. л. 8,9. Усл.-печ. л. 11,87.
Тираж 3000. Заказ № 548.
Лицензия ЛП №063670 от 24.10.94 г.

Издательство «СофтДизайн».
Адрес для переписки: 625002, г.Тюмень, а/я 5579.
Тел. (345-2) 26-12-09.

Отпечатано с готовых диапозитивов на ИПП
«Уральский рабочий».
620219, г. Екатеринбург, ул.Тургенева, 13.